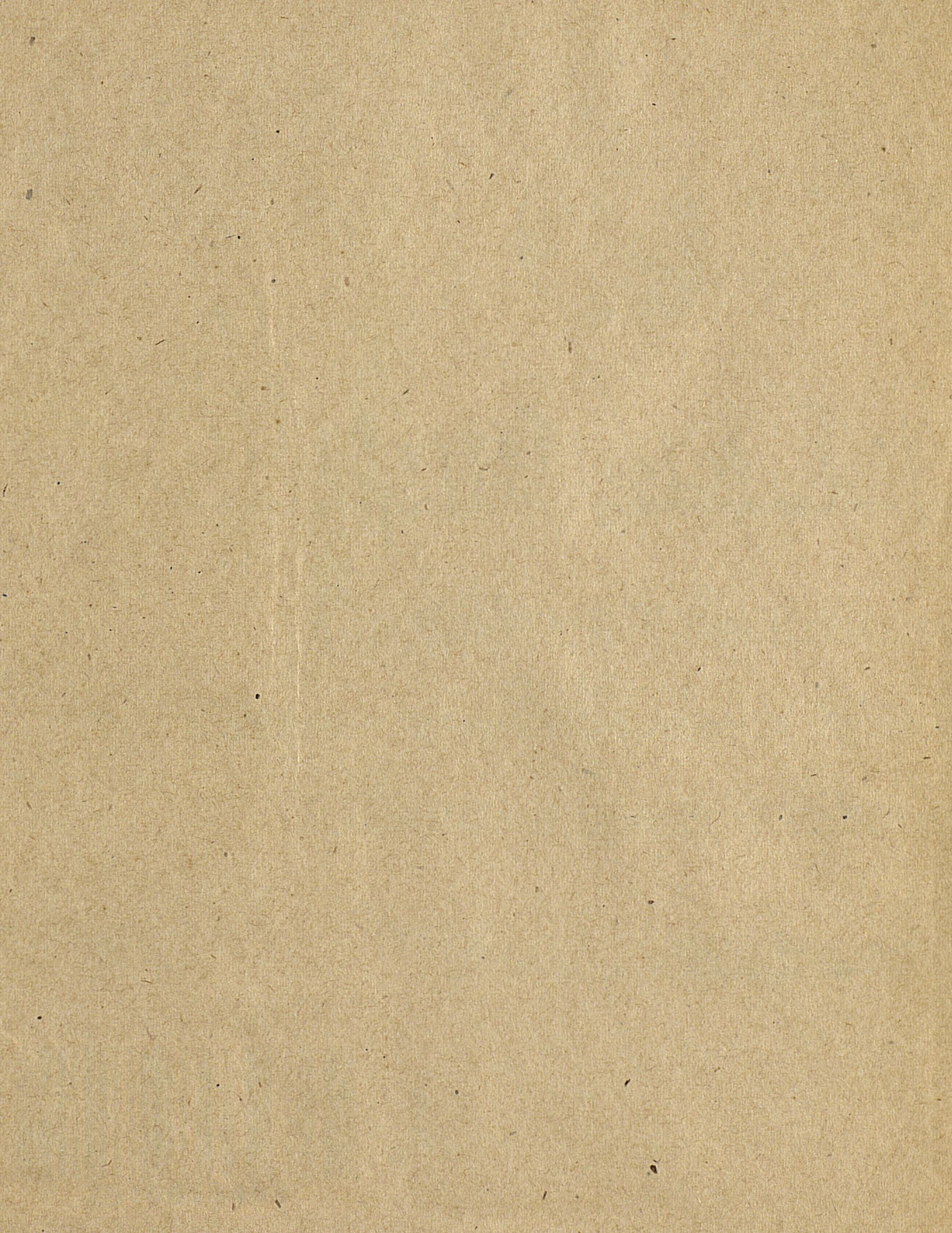

A $\frac{223}{551}$

v. 2. 1894

Дозволено цензурою. Москва. 16. Декабря 1894 года.

~~А 212~~
~~В 198~~

223
551

ОБЩЕСТВО
РУССКИХЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ
ПИСАТЕЛЕЙ.

15487-0

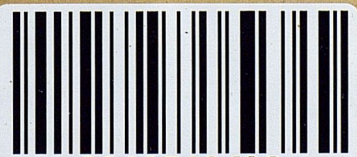
Мертвая душа.

Цена въ 8 ^{ми} картинкахъ

(Переработка изъ поэмы Г. В. Гоголя.)

А. Плотникова и В. Крылова.

Часть вторая.

2010513493

Авторграфитъ Московской Театральной Библиотеки В. С. Васильева.
Москва. Тверская улица. Георгиевский переулокъ д. Сушкова.

Двойствующия лица:

Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

Фенгеттиковъ, помѣщикъ.

Генералъ Петрицевъ.

Улитка, его дочь.

Петръ Петровичъ Пятухъ, помѣщикъ.

Николаша. { его сыновья.

Алексаша.

Платоновъ, помѣщикъ.

Полковникъ Камшаревъ, помѣщикъ.

Князь, генералъ-губернаторъ.

Губернаторъ.

Губернаторша.

Ея дочка.

Анна Григорьевна, дама пріятная во всякъ отношеніяхъ.

Софья Ивановна, просто пріятная дама.

Дама.

Прокуроръ.

Полцимmeisterъ.

Гресьдатиль Казенной палаты.

Управляющій казенными фабриками.

Инспекторъ врачебной управы.

Вице-губернаторъ.

Собакинъ, помѣщикъ.

Ноздревъ, помѣщикъ.

Почтмейстеръ.

Мурашовъ, купецъ.

1^я
2^я
3^я } Крестьяне Шенгетникова.

Мушкетер.

Баба.

Перошикевна, китонница. } Шенгетникова.

Михайло, слуга.

Гаврило, буфетчик.

Камердинеръ генерала Тетрищева.

Поваръ у Грыгуса.

Дробка, его же.

Коммиссионеръ. } Кошкарева.

Секретарь.

Чиновникъ губернатора.

Чиновникъ генераль-губернатора.

Курьеръ, генераль-губернатора.

1^я
2^я } мандарини.

Крестьяне, слуги, гости обою паид на бабу у губерна-тора.

Картина 1^я

У Ментетникова.

Комната Ментетникова. Большое венецианское окно, через которое видны дворъ усадьбы окруженный разными хозяйственными постройками: амбаръ, погребъ, кладовая, каретный сарай, флигель для рабочихъ и т. п.

Ментетниковъ и Чичиковъ сидятъ у открытаго окна, между ними шахматный столикъ. На подоконникѣ около Ментетникова чашка съ медовымъ чаемъ, въ ружьяхъ трубка съ флигельнымъ чубукомъ. За окномъ толпа крестьянъ.

1^й крестьянинъ. Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то есть, выгоды не радьяли! Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пасали и сѣяли!

2^й крестьянинъ. По чашурхъ водки прикавали по-фать.

Въ толпѣ голоса. Какъ зувъ старались! Да, по чашурхъ тогда...

Ментетниковъ. Да отчего-же теперь вышло скверно?

1^й крестьянинъ. Что его знаетъ? Видно, червь подытого свищу.

2^й крестьянинъ. Да и лѣто vimos ты, какое: советиль дождей не было.

Голоса изъ толпы. Стало быть червь... Известно дождей не было... что говоритъ, советиль дождей не было...

Меняетниковъ. Ну, ступайте, ступайте...

(Мужикъ кипячая ухохоталъ. Меняетниковъ, задумав-
шись курить. Чижиковъ вертится табакерку. Молчаніе.)

Чижиковъ. У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного
только недостаетъ.

Меняетниковъ. Чего?

Чижиковъ. Подруги жизни.

(Меняетниковъ молчитъ.)

(За окномъ мужикъ съ бабой.)

Мужикъ. Баринъ, а баринъ! Уйми бѣса бабѣ! Модно
хотѣть какой, - житья нѣтъ отъ нея! Вотъ я ее привелъ...
вотъ она!

(Баба хнычетъ, притворяется плачущей съ вызовомъ и
воетъ.)

Меняетниковъ. Ступай, ступай себя только съ
глазъ моихъ! Божь съ тобой!

(Мужикъ съ бабой отходятъ и останавливаются
среди двора, браниясь шутя собою.)

(Молчаніе.)

Чижиковъ. А, право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень
не мешало жениться.

Меняетниковъ. (молчитъ.)

(За окномъ у погребъ.)

Гурьевикъ Григорій (къ хозяйкѣ Терфимевнѣ.) Ду-
шонка ты возмутительная, нитяность такая!
Тебѣ бы, мужной бабѣ, молчать да и только.

Терфимевна. А не хочешь-ли вотъ этого? (показыва-
етъ кушакъ.)

Григорій. Видѣ, ты и съ прикащикомъ суетишься,

мелочь ты амбарная!

Перфильевна. Да и прикажишь ворь такой-же какъ и ты. Знаешь баринъ не знаетъ васъ? вѣдь, онъ здѣсь, вѣдь, онъ все слышитъ.

Григорій. Здѣ баринъ?

Перфильевна. Да вотъ онъ сидитъ у окна: онъ все видитъ. /Продолжаютъ перебраниваться, такъ что слышно голоса, но словъ разобрать нельзя. Въ то-же время раздается крикъ и вопль дворового мальчишки, визвъ шента, брань между мужикомъ и бабой./

Менгетниковъ. Михайло, Михайло! /Входитъ сзади./ Скажи тамъ, /указываетъ за окно/ чтобы шумѣли по-тише. /Закрывается окно и снова садится въ прежнюю позу. Молчаніе./

Шинковъ. А все-таки, какъ ни переборю, обстановка хозяйства ваша, вижу, что нужно вамъ жениться; впадете въ ипохондрию.

Менгетниковъ /вздыхая и пустая твердая трубочный дымя). На все нужно родиться мастивцевъ, Павель Ивановичъ... Я разскажу вамъ. Тутъ живетъ по соседству генералъ Гетрицевъ. У него дочь чудное создание... Съ первого дня знакомства, мнѣ показавось, что я бываю знакомъ съ нею вѣчно. Незъяснимое новое чувство вошло ко мнѣ въ душу. Скучная жизнь моя на мгновеніе озарилась. Генералъ принималъ меня сначала довольно хорошо и радушно; но сойдтись между собой мы не могли. Разговоры наши всегда оканчивались спорами и какими-то неприятными ощущеніями, впрочемъ, съ обѣихъ сторонъ, потому что генералъ не любилъ про-

творчеств и возражений, а я, со своей стороны тоже человек щекотливый. Забудьтеся, ради дочери много прощалось отцу, и миръ между нами кое-какъ держался, покада не прѣехали гостить къ генералу, родственницы, — графиня Золдырева и княжна Юзанина. Это дочь отставнаго фрейлины преняго двора, но отъ удержалась и понынь кое-какія связи въ Петербургѣ, вслѣдствіи чего, генералъ передъ ними немножко подличалъ. Съ самаго ихъ прѣезда, мнѣ показалось, что генералъ сталъ ко мнѣ холоднѣе, не замечалъ меня, или обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ, говорилъ мнѣ какъ-то пренебрежительно: любезнѣйшій! послушай, братецъ! И развѣ сказавъ мнѣ даже: ты! Это, наконецъ, меня взорвало. Скротая сердце и стиснувъ зубы я ишкель однакоже присутствіе духа сказать необыкновенно утѣвительный и мягкій голосомъ, хотя чувствовалъ, какъ пятна выступаютъ на моему лицу и все внутри у меня кипѣло: „Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ „ты“ вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ ты. Но разликіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамильярному обращенію.“ Генералъ смутился. Но съ тѣхъ поръ знакомство между нами прекратилось, и любовь кончилась при самомъ началѣ... Съ тѣхъ поръ потухнувшій свѣтъ на минуту было блестявшій для меня, а поспѣдовавшіе за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣе. Я переставъ въѣрять, что есть на землѣ счастье. Я сдѣлался такимъ ко всему равнодушнымъ, ступеннымъ и безотвѣт-

ныши.

Ушкиковъ (смотря приставлено на Шенпетниковъ. Про себя.). Что онъ такой дуракъ, или только съ придурую? (Встаетъ, и взявши Шенпетникова за обѣ руки.) Андрей Ивановичъ! Скажите! Какое-жъ тутъ оскорбленіе? Что же тутъ оскорбительнаго въ словѣ „ты“?

Шенпетниковъ. Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго — но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ съ кофрыиъ сказано оно, затмочается оскорбленіе. Ты-это значитъ: „помни, что ты дрянъ, я принимаю тебя только, что нѣтъ никого лучше, а пришла такая нибудь княжна Юзюкина, — ты знай свое мѣсто, стой у порога.“ Вотъ, что это значитъ!

Ушкиковъ Да хоть бы даже и въ такомъ смыслѣ, что же тутъ такого?

Шенпетниковъ. Какъ! вы хотите, чтобъ я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?

Ушкиковъ. Да какой-же это поступокъ? Это даже не поступокъ.

Шенпетниковъ (въ изумленіи). Какъ не поступокъ?

Ушкиковъ. Это генеральская привычка; они вѣдь и говорятъ ты. Да впрочемъ почему же этого и не позволить заслуженному, почетному человеку?

Шенпетниковъ. Это другое дѣло. Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, а бы тогда позволилъ ему говорить ты и принялъ бы даже почтительно.

Ушкиковъ (про себя.) Онъ советскій дуракъ! Оборотыиу позволить, а генералу не позволить! (Встаетъ.) Хорошо!

положишь, онъ васъ оскорбитъ, за то вы и покая-
лись съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Но ссоритесь,
разставайтесь навсегда и въ пучка, это извините...
Вамъ уже изборана жизнь, уже надо идти на про-
ломъ. Что грядётъ на то, что человекъ пачается:
онъ такой уже созданъ. Да вы не отыщете те-
перь во всемъ свѣтѣ такого, который бы не пачался.

Менетниковъ (про себя.) Странный человекъ этоъ
Чичиковъ!

Чичиковъ (про себя.) Какой однако-же гудакъ этоъ
Менетниковъ! (Вслухъ.) Андрей Ивановичъ, я буду
говорить съ вами, какъ братъ съ братомъ. Вы чело-
векъ неопытный. Позвольте мнѣ объяснить это до-
ло. Я скажущу къ его превосходительству, и объясню,
что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣ-
нью, по молодости и не знанію людей и свѣта.

Менетниковъ. Подлинать передъ нимъ я не
намѣренъ. Да и васъ не могу на это утѣшить.

Чичиковъ (оскорбившись.) Подлинать я не способенъ...
Въ другомъ проступкѣ, по человечеству, могу прови-
ниться, но въ подлости никогда.. Извините, Андрей
Ивановичъ, за мое доброе желаніе, я не ожидаю, что
бы слова мои принимали вы въ такомъ обидномъ
смыслѣ!

Менетниковъ (торопливо, тронутый, сжавшись
Чичикова за обѣ руки.) Я виноватъ, простите! Я не
думалъ васъ оскорбить! Клянусь, ваше доброе ука-
заніе мнѣ дорого! Но оставимъ этотъ разговоръ! Не будемъ
больше никогда объ этомъ говорить!

Чижиковъ. Въ такомъ случаѣ, я такъ поведу по ге-
нералу

Менгетниковъ. Занчѣмъ?

Чижиковъ. Засвидѣтельствовать почтение.

Менгетникъ. (про себя) Странный человекъ этотъ Чижи-
ковъ!

Чижиковъ. (про себя) Странный человекъ этотъ Мен-
тетниковъ! (Вслухъ) Я завтра-же, Андрей Ивановичъ,
около десяти часовъ утра къ нему, и поведу. По моему,
чѣмъ скорее засвидѣтельствовать почтение человеку,
тѣмъ лучше. Таково какъ бритка моя не пришла въ
настоящее состояніе, то позвольте взять у васъ кака-
ту. Я-бы завтра-же, такъ около десяти часъ утра,
къ нему-бы и съездилъ.

Менгетниковъ. Помните, что за просьба? Вы
полный господинъ: и жипанъ и все въ вашемъ распо-
ряженіи.

Чижиковъ. Такъ я пойду, ужъ самъ распоряжусь
на счетъ какашки... (Идетъ. Про себя) Странный человекъ
этотъ Менгетниковъ! (Уходитъ.)

Менгетниковъ. (про себя) Странный человекъ этотъ
Чижиковъ! (Продолжаетъ задумавшійся курить.)

Занавѣсь.

Картина 2^я

У Бетрищева.

Чижиковъ (наклоняя почтительно голову на бокъ и раз-
ставивъ руки на отлетъ, какъ бы готовился приподнять
ими голову съ шапкою.) Счелъ долгомъ представитъ-
ся вашему превосходительству. Такая уважение къ
доблестнымъ мужей, спасавшимъ отечество на бранномъ
полѣ, счелъ долгомъ представитъся лично вашему
превосходительству.

Бетрищевъ (сдѣлавши весьма благостклонное движе-
нiе головой.). Весьма радъ познакомиться. Многости
просимъ садитесь. Вы идъ служили?

Чижиковъ. Поприце службы моей (сидя въ кресло не
по срединѣ, но наискось, и ухватившись рукой за ручку крес-
ла.) началось въ казенной палатѣ, ваше превосходитель-
ство. Дальнѣйшее же теченiе оной совершалъ по раз-
нымъ мѣстамъ: бывъ и въ наѣворномъ судѣ, и въ ком-
миссiи построений, въ таможенѣ. Жизнь мою можно
уподобить какъ въ суднѣ среди волнъ, ваше превосходи-
тельство. Терпѣливый, можно сказать, повитъ, спеле-
нанъ и будущи, такъ сказать, самъ однолицетворен-
ное терпѣнiе. А что было отъ враговъ, покушавших-
ся на самую жизнь, такъ это ни слова, ни самаго,
такъ сказать, кисть не свучивать передать. Такъ
что на склонѣ жизни своей иду только уломокъ,
гдѣ бы провести остатокъ дней. Приостановился же,

покуда, у близкого соседа вашего превосходительства.

Гетрищевъ. У кого это?

Чичиковъ. У Ментетникова, ваше превосходительство.

Гетрищевъ (поморщился).

Чичиковъ. Онь ваше превосходительство, весьма расхваливается въ томъ, что не оказавъ должнаго удивления.

Гетрищевъ. Изъ чему?

Чичиковъ. Изъ заслугамъ вашего превосходительства. Не находить словъ... Говорить: „Велико-ль я только мочь чествовать нибудь... потому что точно, „говорить, „угодно чествовать мужей, спасавшихъ отечество“, говорить...

Гетрищевъ. Пошлите, что-нибудь оны? Да вѣдь я не сердитъ. Въ души моей я искренно полюбилъ его и уверяю, что современемъ оны будетъ полезный человекъ.

Чичиковъ. Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство. Истинно, полезный человекъ; можетъ поблагодарить даромъ слова и владѣть перомъ.

Гетрищевъ. Но пишетъ, я чай, пустяки какіе нибудь и стишки?

Чичиковъ. Ничего, ваше превосходительство, не пустяки. Онь что-то дельное пишетъ... Историю, ваше превосходительство.

Гетрищевъ. Историю? о чемъ историю?

Чичиковъ. Историю... историю о генералахъ, ваше превосходительство.

го себя доблестями?

Петрищевъ. Все же, однако-жь, нужно знать.

Уминька. Павел Иванович, ваше превосходительство. (Поклонившись съ ловкостью военного чело-
вѣка и отпры-
нувши назадъ съ легкостью резиноваго мячика.)

Петрищевъ. Уминька! Павел Иванович сейчасъ ска-
завъ пренеприятную новость. Восхвѣдъ нашъ Флетт-
тиковъ, советникъ не такой глупый чело-
вѣкъ, какъ мы по-
лагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ:
исторію генераловъ 12го года.

Уминька. Да кто-же думалъ, что онъ глупый чело-
вѣкъ? Развѣ одинъ только Филиппокромовъ, которому
ты вѣришь, который и пустой и глупый чело-
вѣкъ.

Петрищевъ. Развѣль-же нивѣтъ? Онъ пустошатъ,
это правда.

Уминька. Онъ подловатъ и гадковатъ, не только
что пустошатъ. Это такъ обидѣтъ своихъ братьевъ
и вѣдливо въ домъ родную сестру, тогда гадкій чело-
вѣкъ.

Петрищевъ. Да вѣдь это разказываютъ только.

Уминька. Такихъ вещей разказываютъ не будутъ
напрасно. Я не понимаю, отецъ, какъ съ добройшею
душою, какая у тебя, и съ такимъ предкии сердцемъ,
ты будешь принимать чело-
вѣка, который какъ небо
отъ земли отъ тебя, и о которомъ себѣ знаемъ, что
онъ дуракъ.

Петрищевъ (Уминьку). Вотъ такъ, вы видите, -
вотъ такъ мы всегда съ ней спорили. (къ дочери.) Душа
моя! вѣдь мы-жь не прогнать его?

Улитка. Закрывь прогонять? Но закрывь и показы-
вать ему такое внимание? закрывь и любить?

Ушиковъ. Въ требуютъ къ себѣ любви, сударыня,
что-нѣбъ дѣлать? И котина любить, чтобы ее погла-
дили. Оквозь житье просунеть морду: „на, погладь“!

Петрищевъ (раздвываясь). Именно, просунеть морду:
„на, погладь“! Да, да, да! У много не только что было,
но весь во сани, а, вѣдь, тоже требуетъ, какъ говори-
ся, поощренія... Да, да, да!

Ушиковъ. Ае, ае, ае, ае, ае!

Петрищевъ. Обокрадетъ, оборулетъ кавчу, да еще,
каналья, наградъ проситъ, нельзя, говорить, безъ по-
ощренія, трудилась... Да, да, да!

Ушиковъ. Ея изволили, ваше превосходительство,
смыслать, когда нибудь о томъ, что такое - по-
би насъ чернотами, а бѣлнотами насъ всякій по-
любить?

Петрищевъ. Улитъ не слышалъ.

Ушиковъ. Симпатическій анекдотъ, ваше превохо-
дительство! Въ улитнѣ, ваше превосходительство,
во, у князя Гукзовскаго, котораго, безъ сомнѣнія, ва-
ше превосходительство, изволите знать...

Петрищевъ. Не знаю.

Ушиковъ. Былъ управитель, изъ нѣмцевъ, ваше
превосходительство, молодой человекъ. По случаю
поставки рекрутъ и прочаго, улитнѣ отъ надобности
прѣзжать въ городъ, водиться съ судейскими, ну, и...
подмазывать... (прищуривъ глазъ). Впрочемъ, иони
тоже угощали его, такъ что одинъ разъ, обѣдая у

нишь, онъ говоритъ: „Что-но, господа, когда нибудь и
кошны, въ шитье къ князю!“ Тутъ говорятъ: „Приндешь?
Видишь, ваше превосходительство, въ непродолжи-
тельнаго времени, выехать суду на свиданье по
дому прикомандированнаго во владѣнія графа Трех-
метьева, котораго ваше превосходительство, безъ со-
мнѣнія тоже изволите знать...

Бетрищевъ. Не знаю.

Шичковъ. Самая-то свиданья они не держали, а
заворотили теломъ на экономическій дворъ, къ эко-
ному, да три дня и три ночи, не переводя духу, и про-
козирали въ карты. Самоваръ и пуншъ, ваше пре-
восходительство, со стола не сходятъ. Старикъ-то,
графеконъ, эконому, уже они закъли, такъ сказать
въ горь. (Показываетъ себя на горю.) „Что-бы какъ ни-
будь отъ нихъ отдрогаться, онъ и говоритъ: „Вы-бы,
господа, закъали къ князю, управителю, нѣмцу:
онъ недалеко отсюда и васъ ждетъ...“ А и въ самую
драть, говорятъ, - „и онъ же какъ и звалъ!“ И все это
какъ было, запанное, небритое, - на теломъ, да къ
нѣмцу. - А нѣмцу, ваше превосходительство, такъ
ко что женился. Женился на институткѣ, моло-
денькой, субтильной. (Выражаетъ на лицѣ субтиль-
ность.) Находясь, такъ сказать, въ медовомъ мѣся-
цѣ, сидятъ они, въ родѣ двухъ англичанковъ, зачашь.
А другъ отворяюща дверь - и ввалилось соннище!

Бетрищевъ (сидѣлъ.) Вообразнаго, - хороши!

Шичковъ. Нѣмца такъ это поразило, ваше прево-
сходительство, что потерялся советъ. Подходить

кто шил и говорит: „Что вам угодно?“ - „А, так вот ты как?“ - Переимена декораций: другой оборот, другая речь! „За двоишь. Сколько вина выкуривается пошью-нио. Стопанеи книги!“ Штоть стога-туды. „Ду, помя-тывае!“ Взали, связали, да во город, да полтора года и просидывь нешаеуь во тюрьмеь.

Петрищевъ. Вотъ на!

Улинька (.вещенуца ругалии.)

Ушиковъ. Мена, ваше превосходительство, хлопотаѣ! Ну, что-нхь можетъ такая - нибудь молодая жениш-на, немелкушенная, такъ ставать, горниловь опыта? Спа-сибо, что случились добрые люди, которые научили пойд-ти на мировую. Отдрьдалься нхьмеуь, ваше превосход-ительство, двуря тысячами, да упростительныиь объ-даиь. Да унхь за объдаиь, когда унхь все того... и онхь такне... говоря по просту налмиотились, они и гово-рятъ еиу: „Вотъ видишь, понушился нхьи! Шы все бы хотнхь виднхь выбритыхь. А вотъ, ты пошо-би насъ черненькими, а беленькими насъ всякнй по-любнть.

Петрищевъ (.хохочетъ.)

Улинька. Ахъ, папа, я не понимаю, какъ ты мо-жешь смхьятвса. На меня эти безвестные поступки наводятъ унхние и ничего болше. Когда я вижу, что во глазахъ совершается обманъ, во виду всхьхь, и не наказываются эти люди всеобщимь презрннннмь, я не знаю, что со мной дьлдается, я на ту пору ста-новлюсь зла, я думаю, думаю... (ути не плачетъ.)

Петрищевъ. Штотъ, пождлнннннннн, не гнхьвайся на

мажъ. Мы тутъ же въ чемъ не виноваты. Не правда-ли?
Почтуйте меня и уходите къ себѣ. А сейчасъ стану
одрываться къ обѣду. (Чичикову.) Вѣдь, ты, надѣюсь,
обѣдаешь у меня?

Чичиковъ. Если только, ваше превосходительство...

Петрищевъ. Безъ чиновъ, что тутъ! я вѣдь еще, сид
ва богу, могу накормить. Ци есть.

Чичиковъ (почтительно катаясь голову).

Улиткина (уходитъ).

(. Проходитъ въ цыганскихъ цыганъ и бакенбардахъ, великанъ-
камердинеръ, съ серебряннот лоханкой и фуражкой въ
рукахъ.)

Петрищевъ. Ты мнѣ позволишь одрываться при
себѣ?

Чичиковъ. Не только одрываться, но можете совер-
шить при мнѣ все, что угодно вашему превосходи-
тельству.

Петрищевъ. Какъ били? (. Вытираетъ советскъ сто-
рону своего шета.) Полюбилъ насъ бѣленькими...

Чичиковъ. Черненькими, ваше превосходительство.

Петрищевъ. Полюбилъ насъ черненькими, а бѣлень-
кими насъ всякій полюбилъ. Очень, очень хорошо!
любятъ, любятъ, точно любятъ поощрение. Помажь,
помажь его, а вѣдь безъ поощрения, такъ и красть не
станетъ... ха, ха, ха!

Чичиковъ (про себя). Генералъ всевысшакъ и добрякъ,
попробовать! (. Петрищеву.) Ваше превосходительст-
во! Такъ какъ вы уже такъ добры ко всѣмъ и вни-
мательны, шитью къ вашей крайноту просьбу.

Бетрищевъ. Какую?

Умишковъ. Есть, ваше превосходительство, у меня дражский старикашка фэдя... (Ошаривается вокруг.) У него триста душъ и, кроме меня, наемодникова никого. Сами управлять имением, по дражлости не можете, а мне не передаете тоже. И какой страный приводитъ резонъ: „Я, говоритъ, помещаника не знаю, можете быть онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мне, что онъ надежный человекъ; пусть приобрететъ прежде самъ собою триста душъ; тогда я ему отдамъ и свои триста душъ.“

Бетрищевъ. Да что-жь онъ, выходитъ, совсемъ дуракъ?

Умишковъ. Дуракъ бы еще пусть, это при немъ бы и отдалось. Но положение-то мое, ваше превосходительство! У старикашки завелась такая-то кучо-ница, а у кучоницы дити. Этого и смотри, все перейдетъ мне.

Бетрищевъ. Выкиньте купный старикъ изъ ума и больше ничего. Только я не вижу, чьякъ тутъ я могу пособить?

Умишковъ. Я придумаю вотъ что. Если вы вѣдете мертвыхъ душъ вашей деревни, ваше превосходительство, передайте мне въ такомъ видѣ, какъ бы онъ были живые, въ совершеннѣйшій купней крепости, а-бы тогда эту крепость представилъ старикъ, и онъ на свидѣство-бы мне отдалъ.

Бетрищевъ (разражается хохотомъ).

Умишка (замыдливается въ дверь). Утечь, что съ то-

бой случилось?

Бетрищевъ. Ну конечно, мой другъ, ступай къ себѣ, мы сейчасъ явились объѣдать. Будь спокойна, ха, ха, ха! Дядя-то, дядя! въ какихъ дуракахъ будешь, ха, ха, ха! мертвыхъ вместо живыхъ получишь! Ха, ха, ха!

Шиковъ (про себя). Дня его, щекотливый какой на нервы!

Бетрищевъ. Ха, ха, ха! Какой оселе! Врядъ придется-же въ это требовать: пусть прежде самъ собою изъ ничего достанетъ триста душъ, такъ тогда дай ему триста душъ! Врядъ онъ оселе!

Шиковъ. Оселе, ваше превосходительство!

Бетрищевъ. Ну, да и твоя-то штука, попомни-вать старика мертвыми! Ха, ха, ха! Я-бы Богъ знаетъ что дай, чтобы посмотреть, какъ ты ему поднесешь на нихъ купную крепость. Ну, что онъ? Какое? Онъ изъ себя очень старъ?

Шиковъ. Летомъ восемьдесятъ.

Бетрищевъ. Однако-жь, двинется, бодръ? Врядъ онъ двинется-же быть крепосте, потому что при немъ врядъ живетъ и кичилица.

Шиковъ. Какая крепость! несомнѣнно, ваше превосходительство!

Бетрищевъ. Какой дуракъ! Врядъ онъ дуракъ?

Шиковъ. Дуракъ, ваше превосходительство

Бетрищевъ. Однако-жь, вывознается, бываетъ въ обществахъ? Съ виду бодръ? держится еще на ногахъ?

Шиковъ. Держится, но съ трудомъ.

Бетрищевъ. Какой дуракъ! но крепосте однако-жь,

есть еще зубы?

Чичиковъ. Два зуба, ваше превосходительство.

Бетрищевъ. Какой осель! Ты, братецъ, не сердись...

Хоть онъ тебе и гадя, а вѣдь онъ осель?

Чичиковъ. Осель, ваше превосходительство... Хоть и родеветнишка, и тыяшено сознатся въ этомъ, но цюжь дробатъ? Стакъ цюжь будете, ваше превосходительство, такъ добры, отпугните мнѣ.

Бетрищевъ. Чтобы отфать тебе мертвья душь? Да за такую выдушка я икъ тебе съ землей, съ нимъ-ево! Возми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ-то! Ха, ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ будеть гадя! Ха, ха, ха, ха!

Занавѣсье.

Картина 3^я.

У Бетрища.

(.Сады. Справа дверь со сходомъ въ садъ.)

(.Чичиковъ входитъ.)

Чижиковъ. Странно, однако, шиветь этотъ полков-
никъ Кошкаровъ - и разспросить некое. Какой-то обер-
ванецъ сказавъ, что баринъ на рыткѣ рыбу ловитъ, го-
воритъ, чрезъ садъ пройти ближе... какъ же тутъ ид-
ти...

Глытучъ. За сценой шумъ и говоръ; появляется Глытучъ окру-
женный крестьянами).

Глытучъ. Ахъ, что въ васъ! - Горсть побери! Тутъ было
не упущили осетра... Я кричу: передавай! передавай,
Демисъ Кузьмичъ... Кузьма бери за хвостъ, а онъ ротъ
разинуть. Осетръ большому надо было туда же напи-
рать, а Осетръ меньшому справа захопить... А вы
меня самого въ неводъ зашутали! - зашутали, прок-
лятые, потащили, какъ рыбу...

Чижиковъ (про себя). Вотъ онъ... Чудоковать этого
полковника Кошкарова!

(Глытучъ замечивъ Чижикова, который ему кланяет-
ся, подходитъ.)

Глытучъ. Обѣдали?

Чижиковъ. Глытучъ.

Глытучъ. Ну, такъ благодарите же Бога.

Чижиковъ. А что?

Глытучъ. А вотъ что! - Поглядите на суда въ мо-
ханку... Шеленъ Кузьма помоги... (Чижикову.) Каковъ
осетръ... каковъ князекъ изъ рытки зашечь?..

Чижиковъ. Да это утлый князь!

Глытучъ. Вотъ то-то же... (Крестьянамъ.) Несите
все повару, теленку... Осетра меньшой, неси осторожно...
Осетра большой, шучку передай Демису... Осетра меньшой,

за карасями - то смотри. (Чичикову.) Ну, теперь здоров-
ствуйте! (Улыбнутся.)

Чичиковъ. Я привезу вамъ поклонъ отъ его превосход-
ительства.

Глотовъ. Отъ какого превосходительства?

Чичиковъ. Отъ родственника вашего, отъ генерала
Александра Дмитриевича.

Глотовъ. Кто это Александръ Дмитриевичъ?

Чичиковъ. Генералъ Петрищевъ.

Глотовъ. Не знаю.

Чичиковъ. (изумляясь.) Какъ-же это?... Я надѣюсь, -
по крайней мѣрѣ, что шитью удовольствіе говорить съ
полковникомъ Кошкарковымъ?..

Глотовъ. Увѣнъ, не надѣйтесь. Слова Глоу, вы при-
надли не къ нему, а ко мнѣ... Петръ Петровичъ Гло-
товъ... Глотовъ Петръ Петровичъ.

Чичиковъ. (ошарашенный.) Какъ-же?... Я въ полковни-
ку Кошкаркову... Я совѣщусь... такая нежданная ошиб-
ка...

Глотовъ. Не ошибка, не ошибка... Вы прежде попро-
буйте какое обрядъ, да потомъ скажите: ошибка-
ли это? Стокорнѣе прощу... (беретъ Чичикова подъ
руку и садится; самъ садится рядомъ.)

Чичиковъ. Мнѣ чрезвычайно приятно, что счастли-
вая случайность...

Глотовъ. (вскатываетъ и брызгаетъ въ кушачи.) Ошарашенный, снесъ?... стой... бѣги опять къ повару, тайно,
чтобъ сейчасъ потрошила осетра... Молоки и икру,
потроха и лещей въ уху, а карасей въ соусъ... да раки,

раки... Тотозый Емельянов, гдѣ-же раки?.. раки, гово-
рю!..

Чичиковъ (про себя.) Ну, захлопотался хозяинъ!

(Изъ дому, выходятъ сыновья Глуксбергъ - Николаша и
Алексаша.)

Глуксбергъ (рекомендуя.) Сыны мои, гимназисты, при-
хаживай на правдушки. Николаша, ты побудь съ гофелемъ,
а ты, Алексаша, ступай со мной. (Уходитъ въ домъ
къ Алексаши.)

Чичиковъ. Въ губернской гимназии изволите
учиться?

Николаша. Да, въ губернской гимназии; только
у насъ учать не очень хорошо... все благоволятъ къ
намъ, которыхъ маманьки много побогаче подар-
ки... Здѣсь никакой выгоды нѣтъ... Мы съ братомъ
хотимъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провин-
ція не стоитъ того, чтобы въ ней жить.

Чичиковъ. Хотимъ. Какимъ дѣломъ кондитер-
скими да бульварами.

Николаша. И скуча у насъ жить, общества ни-
какого. Одно и есть удовольствіе, что въ городѣ сто-
итъ Ингерманландскій гусарскій полкъ; хорошая
лошади есть.

Чичиковъ. А есть таки..

Николаша. У ротмистра Ритвицкаго самая
лучшая лошадь, - лучше чѣмъ у самого полковника,
только ѣздить онъ не особенно хорошо. Стуринскъ
Вяземцевъ ѣздитъ гораздо его почише.

Чичиковъ. Платъ-съ... Ну, а что, въ какомъ состо-

или митенья вашего батюшки?

./ Выходит Стрелуха ./

Стрелуха. Заложено, заложено...

Чичиковъ. Заложил-же это вы его заложили?

Стрелуха. Да такъ. Говорятъ выгодно. Нетъ заложивать, такъ-же отстаивать отъ другихъ? При томъ-же все живы здѣсь: дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ, вотъ сыновья тоже провариваются, съестныя просвѣщенія столичнаго.

Чичиковъ ./ про себя ./ Дуракъ, дуракъ, промотаетъ все, да и дѣтей сфрѣдаетъ мотами. Митенькище порядочное и мушкетажъ хорошо, и митъ не дурно. А какъ просвѣтитъ тамъ у рестораноу да по театрамъ все пойдеть къ чорту. Митъ бы себѣ кувалда, въ деревнѣ.

Стрелуха. А, вѣдь, я знаю, что вы думаете?

Чичиковъ. Что?

Стрелуха. Вы думаете: „Дуракъ, дуракъ, этотъ Стрелуха!.. Заваня обидать, а обидѣ до сихъ поръ нѣтъ... будетъ готовъ, потпенныйишій, не успѣетъ стироженная дѣвка косы заплести, какъ онъ поспѣетъ.“

Александра ./ идя въ окно ./ Батюшка, Платонъ Михайловичъ прѣхалъ.

Николаша ./ выходя въ окно ./ Перехожу на другой лошади!

Стрелуха ./ подхожа къ окну ./ Тѣр? Тѣр?

Чичиковъ. Кто это Платонъ Михайловичъ?

Александра. Сосѣдь нашъ Платонъ Михайловичъ.

Платоновъ.

./ Выходит Платоновъ ./

Глытцухъ (Платонову). Объядали?

Платоновъ. Объядали.

Глытцухъ. Что же вы, ссызаться, что ли надо мной при-
ехали? Что мне во васъ послать объѣда?

Платоновъ (успешавувиши). Утѣшу васъ тѣмъ, что
ничего не было за объѣдомъ - вовсе никто отсутственна.

Глытцухъ. А какъ бы вы уловили, если бы вы видѣли!
Какой остроты пожеловали! какие карасици! караси-
ци какіе!

Платоновъ. Даже досадно васъ слушать! Отчего
вы всегда такъ веселы?

Глытцухъ. Да отчего же скучать? Кошмилуйте!..

Платоновъ. Какъ отчего скучать? Отъ того, что ску-
чно.

Глытцухъ. Мало скучите, вотъ и все. Попробуйте-ка
хорошенько пообедайте. Видѣть это въ послѣднее время
выдумали скуку, прежде никто не скучалъ.

Платоновъ. Да полно хватать! Глупо уми, вы
никогда не скучали?

Глытцухъ. Никогда! Да и не знаю, даже и времени
нѣтъ для скуки. Поутру проснувшись - тутъ сейчасъ
поварь, нужно заказывать объѣдъ, тутъ чай, тутъ
прикащикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и объѣдъ.
Послѣ объѣда не успѣешь всѣхраничить - опять поварь,
нужно заказывать ужины.. Когда же скучать?

Шшиковъ. А такъ же, позвольте замѣтить, не могу
понять: какъ при такой наружности, какова ваша,
скучать. Конечно, если недостача денегъ, или враги,
какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься

ни птицы не могут жить на свете.

Александра. Николаша, передай-ка мне водку!

Тытуха. Вы вотъ скажите, какова уха?

Чижиковъ. Уха, действительно...

Платоновъ. Да вроде ухъ въ рыболовъ извѣстный...

Тытуха (подкладывая). Вотъ еще этотъ кусочекъ.

Чижиковъ. А два куска съешь...

Тытуха. Что такое за число два; Говоръ любитъ тройцу.

(Къ дядю.)

Платоновъ. Какія ночи теперь стали чудесныя, лунныя.

Николаша. По фрякъ теперь катаются ночью пре-восходно.

Чижиковъ. Помилюйте, а три куска съешь.

Тытуха (подкладывая). Говоръ же бываетъ теленокъ о трехъ колесахъ, кто же строитъ избу о трехъ углахъ?!

Платоновъ. А хоть-то приятно, оно конечно при-ятно.

Николаша. Особенно на фрякъ.

Тытуха. А вотъ и теленокъ; вотъ дурныи.

(Звекъ подаетъ.)

Николаша. Да что еще хорошо, захватить съ со-бой на катеръ самоваръ и чай пить на фрякъ, съ ка-лашами.

Платоновъ. У васъ тутъ дрямина есть, поетъ звонко... его заставить.

Тытуха (подкладывая). Показуйте, вотъ еще это!

кусочек.

Чижиковъ. Я совершенно сытъ.

Глотовъ. Отъ такого куска нельзя отказываться. Вы только взгляните.

Чижиковъ. Да вѣдь я сытъ.

Глотовъ. Взгляните, что за телятина. Я этого телянка два года воспитывалъ на молокъ, ухаживалъ за нимъ, какъ за сыномъ...

Чижиковъ. Не могу.

Глотовъ. Вы попробуйте, да потомъ скажете не могу.

Чижиковъ. Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.

Глотовъ. Да и въ церкви не было мѣста. Возвели городничий - нашлось. Я была такая давка, что абы лопу недрать было урвать. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничий.

Чижиковъ (къ себѣ). Действительно, въ родъ городничьяго.

(Вскрываетъ и подаетъ).

Глотовъ. Ура! - вотъ теперь можно немножко и передохнуть уо порву. (Вскрываетъ) Емельянычъ - телянка, давай сюда мое кресло!.. (Емельянычъ приноситъ кресло) Прибравъ тутъ все. (Сажается въ кресло и закидывается)

Николаша. Александра, поидешь.

Александра. Поидешь! (Оба уходятъ)

Чижиковъ. Ну, какъ такому человеку жалеть въ Петербургъ или въ Москву? Въ такомъ сибирскомъ вѣдѣ онъ только въ три года проживется въ пухъ.

Глотовъ. Дѣй его насвистываетъ!.. Человека!

дай трубку!

Антонюшка приносит трубку и прибегает со Василья ноше со стола.)

Платоновъ. Разумиетесь, если такъ пообъядать, какъ тутъ придти скуры? Тутъ сокъ придетъ, не правда-ли?

Чижиковъ. Да, но я, однако-же, вы меня извините, не могу понять, какъ можно скуратъ. Противъ скуки есть такъ много средствъ.

Платоновъ. Какія-же?

Чижиковъ. Да мало-ли для молодого человека? Танцевать, играть на какомъ-нибудь инструменте... а не то и сенишься.

Платоновъ. На конь?

Чижиковъ. Да будто въ округности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ коней?

Платоновъ. Да нѣтъ.

Чижиковъ. Ну, поискать въ друшихъ мѣстахъ, поюзать. Да вотъ прекрасное средство!

Платоновъ. Какое?

Чижиковъ. Путешествіе.

Платоновъ. Куда-же ѣхать?

Чижиковъ. Да если вамъ свободно, такъ поѣдите со мной. (Про себя.) А это было бы хорошо. Тогда бы можно было издержки пополамъ, а починку, коняски отнести вовсе на его счетъ.

Платоновъ. А вы куда ѣдете?

Чижиковъ. Покажется году я не столько по своей надобности, сколько по надобности другаго. Генералъ Бет-

рищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благодетель, просимъ навѣститъ родственниковъ... Конечно, родственники родственниками, но отчасти, какъ сказать, и для единого себя, ибо видѣть съвѣстно, каковы вращенія людей - что что ни говори, есть какъ бы такая книга, вторая наука. (про себя.) Право было бы хорошо... Можно даже и весь издерзнуть на его шею, даже и отправиться на его лошадажъ, а мои бы покорились у него въ деревнѣ.

Тлатоновъ (про себя.) Почему-жь не прогнаться? Дома-же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало быть, разстройство никакого. Почему-же, въ одиночку дѣлать, не прогнаться. (Дѣлать.) Я согласенъ-ли въ погостѣ у брата дѣлать два? Иначе онъ меня не отпуститъ.

Ишиковъ. Съ обильемъ удовольствіемъ, хоть три.

Тлатоновъ. Ну, такъ по рукамъ! Кѣдемъ! (Идетъ по рукамъ.) Кѣдемъ!

Иштухъ (проснувшись.) Куда, куда? Звѣтъ, суда-рики! И колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Тлатонъ Михайловичъ, упряжи отсюда за пятнадцать верстъ. Звѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра поемъ ранняго обѣда и познакомьте себя... (Въ кушавъ.) Дѣ! позвать мнѣ сюда повара тепленья.

Ишиковъ (про себя.) Вотъ-те на!

Иштухъ. Я вотъ при васъ и завтрашній обѣдъ заказывать буду. (Входитъ поваръ.) Иди, иди... Смотри, дружокъ, на завтра намъ кулебяку, - и кулебяку

сфрелай на четыре угла.

Поварь. Слушаю-сь. Можно-сь.

Гость. (присасывая и забирая в себя дух.) Да, вь
одном углу помони ты мне щётки осетра да вазики,
вь другой, зреневой камшцы, да грибочковь съ мушкавь,
да молочь сладкихь, да мозговь, да еще чего знаешь,
такихь, такого... какого нибудь, такихь, того...

Поварь. Слушаю-сь... Можно будеть и мать.

Гость. Да что бы она съ одного бока, пошима-
ешь, подрумянилась-бы, а съ другою - пропущет
ее поперек... Да исподку-то... пропекти ее такь чтобы
всю ее прососало, прожало-бы такь, чтобы она вся
знаешь, такь разного, не то, чтобы разсыпалась,
а испадла бы во рту, какь ентель какой, такь,
чтобы и не увелишалась... (присмакиваеть и подшме-
иваеть губами.)

Поварь. Слушаю-сь.

Гость. (также-же.) А вь обкладку къ осетру под-
пусти свеклы звездочкой, да сыяточковь, да кружоч-
ковь, да такихь, знаешь, фрюшкетки, да морковки, да
бобковь, такихь чего нибудь такого, знаешь, того раз-
ного, чтобы гарниру всякаго побольше.

Поварь. Слушаю-сь. Можно-сь.

Гость. Да сфрелай ты мне свиной сыру:
кошьяки ледки, чтобы взбухнуль хорошенько.

Поварь. Слушаю-сь.

Гость. Да поджарь...

Поварь. Слушаю-сь.

Гость. Да тулешку поджарь, да подпекти, да

дай взорвать хорошенько...

Поварь. Душато-сь...

Пытунь. Да тыть, постой, я сдиль пойду пере-
смотрию провидито. (Уходитъ съ поваромъ.)

Платоновъ. Пойдемте по саду прогуляться.

(Оба уходятъ.)

Занавѣсъ.

Картина 4^я

У полковника Камкарева.

(Библиотека сверху до низу уставленная книж-
ми - учебными птичьими и животными.)

За конторской стоитъ полковникъ Кошка-
ревъ; Чижиковъ рядомъ съ нимъ.

Чижиковъ. Я захвачу тебѣ ваши, полковникъ, собствен-

земледельческих орудий.

Шинковъ. Дено?

Кашкаревъ. Дено!! Какъ вамъ правится!! а рядомъ съ ней контора построена... Правые, вонъ гдѣ прыгнулъ на окно сидить, это у меня главная счетная экспедиция... рядомъ съ экспедиціей школа нормальная просвѣщенія поселанъ. Все отгильные дощечки и все съ вывѣсками... А тутъ, подъ самыми окнами, тутъ жить вы и сами промете.

Шинковъ (читая въ окно) Глоро сельскихъ дѣлъ... Такое можно сказать благоустройство, совершенно государственное...

Кашкаревъ. Да, я могу этили поавастаться, у меня во всели подрывленія и оборотратическій порадокъ... но, если бы вы знали, сколько и сколько трудовъ мнѣ стоило возвестъ ильоніе доныншнлаго благосостоянія горько сознаться, какъ трудно дать понятъ мужику, что есть высшія побужденія, которыя доставляютъ человеку, просвѣщенная роскошь, искусство и трудолюбство. Сколько нужно обратиться съ невѣжествомъ русскаго мужика, чтобъ одѣть его въ немецкіе штаны и заставить почувствовать, хотя сколько ильбудь высшее достоинство человека. Вѣрите-ли, не смотря на все усилія, я до сихъ поръ не могу заставить деревенскихъ бабъ просить уродлыи костюмы и надѣть корсетты, тогда какъ въ германіи, гдѣ я стоялъ съ полкомъ въ 17^{силь} году, дочь мельника умѣла играть дансе на фортепиано и дѣлала кннхсенъ.

Шшиковъ Простая крестьянка?

Кашкаревъ. Простая крестьянка, да-съ... а у нас... да что крестьяне!.. если-бъ вы знали, какъ велика необразованность нашихъ сосѣдей помѣщиковъ! Они вовсе не думаютъ о своихъ подвластныхъ, они даже едятъ - мисъ, когда я стараюсь изъяснить имъ, что необходимо для хозяйства устройство письменныхъ конторъ, комиссiи и даже комитетовъ чтобы только предохранить отъ всякой поправки и чтобы всякая вещь была известна писарю, управителю и бухгалтеру теперь должны быть не только образованы какъ-нибудь, но обладать университетскимъ образованиемъ. Я не могъ убѣдить помѣщиковъ въ то, что такая выгода была-бы имъ письменныхъ, если-бъ каждый крестьянинъ былъ воспитанъ такъ, что идя за плугомъ, могъ читать въ то же время книгу о громадныхъ отводахъ и тому подобное...

Шшиковъ (про себя.) Ну, дожидайся... Я вотъ и воспитанъ, а еще и графиню Евадильберъ не успѣлъ дочитать.

Кашкаревъ. Ужасное невежество! тѣмъ среднихъ вѣковъ и читать средствъ помочь! Позвольте, читать... я могу бы помочь, я знаю одно средство! Вѣрнѣйшее средство.

Шшиковъ. Какое?

Кашкаревъ. Однѣмъ вѣкамъ до одного въ Россiи, какъ ходятъ въ Германiи. Ничего больше, - только это, - и я вамъ ручаюсь, что пойдетъ все, какъ по маслу. Науки возвысятся, торговля подымется, золотой

быть настает для России.

Чичиковъ (про себя.) Съ этими, кажется, чинится нечего. (Громко) Какъ приятно встрѣтить такое глубокое пониманіе нужды человѣческихъ. Ваша изумительная проникательность даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ однимъ словомъ, важностью и пользоу котораго вы уцѣлителне справу.

Кашкаревъ. Что такое-съ? - очень радъ, если смогу моею опытностью и знаніемъ принести пользу, стою просвѣщенному человеку.

Чичиковъ. Извольте видѣть. Есть и у меня добро и законное и незаконное. Мнѣ нужна надобность въ заплатахъ, никого не хочу, ввожу въ ризку платящиеся по два рубля за живую душу. Ну, случится лопну, чего Боже сохрани, неприятно, вѣдь, владѣльцу, а и рѣшился воспользоваться бѣдными и мертвыми еще не вычеркнутыми изъ ревизіи душами, чтобы однимъ разомъ сдѣлать и христіанское добро и снять съ бѣдныхъ владѣльцевъ тягосты уплаты за нихъ податей. Мы только между собой сдѣлаемъ формальнымъ образомъ куплю, какъ бы на живыхъ.

Кашкаревъ. Позвольте, такъ вы бы хотѣли купить у меня...

Чичиковъ. Крестьянъ умершихъ, которые поревизіи не значатся умершими.. Избавить васъ отъ платежа за нихъ подушного.

Кашкаревъ. Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, это просьба. Не такъ ли?

Шиховъ. Такъ точно.

Намкаревъ. Въ такомъ случаѣ изложите ее письменно. Она пойдетъ въ контору, принятія рапортовъ и донесеній. Контора помѣтивши препроводитъ ее ко мнѣ. Отъ меня поступитъ она въ бюро сельскихъ дѣлъ; тамъ сдѣлаютъ всякія справки и выправки по этому дѣлу. Главноуправляющій вынесетъ съ конторою положитъ резолюцію.

Шиховъ. Помните! Въдѣ такъ было затянется.

Намкаревъ. (улыбаясь) Вотъ тутъ то и выгода бумажнаго производства, оно точно, нѣсколько затянется, но зато уже нѣтъ не ускользнетъ, всякая мелочь будетъ видна.

Шиховъ. Но позвольте, какъ же трактовать объ этомъ письменно? Въдѣ это такого рода дѣло! Души, вѣдь, нѣкоторыми образомъ... мертвыя...

Намкаревъ. Очень хорошо, вы такъ и напишите, что души, нѣкоторыми образомъ, мертвыя.

Шиховъ. Но, вѣдь, какъ же мертвыя? Въдѣ такъ же нельзя написать. Они хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя.

Намкаревъ. Хорошо: вы такъ и напишите, но нужно, или требуется, желается, ищется, чтобы казались, какъ бы живыя. Безъ бумажнаго производства этого сдѣлать: примѣръ Англія и самъ даже Наполеонъ. Я вамъ отряжу комиссіонера, который васъ проведетъ по всему министерству. (Ударяетъ въ звонокъ, появляется секретарь.) Позвать

лично комиссионера! (Секретарь уходит). Это у вас
у меня такой порядок и ему поднимается всякий,
кто посылает меня. Будете покойны, ваше дело
будет разобрано по формам, и вы получите напе-
редающее удовлетворение.

Чижиковъ. Я вполне сознаю всю важность ваших
распоряжений, но позволите указывать на некоторую
небрежность дела.

Кашкаревъ. Никакой тут небрежности нет,
тут только один порядок... (Входит комиссио-
неръ) Вот и вы и комиссионеръ. Оно у меня исп-
равляет формальность чиновника особым поручением.
Оно вас познакомитъ с общим ходом управле-
ния и направитъ ваше прошение туда куда следует.

Чижиковъ. Но я бы хотелъ...

Кашкаревъ. Вы меня обвините, мне надо за-
нять кое-какими важными соображениями и вы
меня застали за отосканием одной нужной бума-
ги... А теперь вспомните, что эта бумага должна быть
во моем кабинете во отделе соображений и проэк-
товъ. Поручаю вас комиссионеру. (Уходит.)

Чижиковъ. Это ты-то, любезный, комиссионеръ?

Комиссионеръ. Комиссионеръ.

Чижиковъ. То какой-же части?

Комиссионеръ. То всякой части. А какъ бы въ
звании чиновника особым поручением.

Чижиковъ. Любопытно. Такъ видите-ли, госпо-
динъ комиссионеръ, твой баринъ поручилъ мне по-
дать прошение въ контору, рапортное и донесения.

Коммиссионеръ. Никакъ этого невозможно.

Шниковъ. Почему же?

Коммиссионеръ. Да потому что контора подати рапортовъ и донесеній только на вывѣстку, а ничего тамъ теперь никто и двери закрыты.

Шниковъ. Однако какъ же такъ?

Коммиссионеръ. Стрavitель дѣлъ конторы переведенъ въ контору сельскихъ построеній. Его мѣсто заступилъ камердинеръ Терезовскій, но и тотъ откомандированъ куда-то на свидѣнiе конторного построеній.

Шниковъ. Куда же намъ, братецъ, идти?

Коммиссионеръ. Да куда ни ходите, все равно ни-какого толку не будетъ... Вотъ теперь въ сторо сельскихъ дѣлъ идетъ передъкомъ, да и тамъ никого никто сидитъ, а оттуда - одинъ пьяный Сенька вляется.

Шниковъ. Какъ же вашъ образцовый порядокъ?

Коммиссионеръ. У насъ безтолковщина. Барина за ночь водятъ. Дѣла у насъ расфранкается контора построеній. Отрывается вѣшка отъ дѣла и посылается куда ей угодно. Топливо и выгода, что конторное построеній.

Шниковъ (глядя въ окно). Въ единомъ дѣлѣ ст-ранная у васъ много. (Звонокъ Камткаревъ).

Камткаревъ. Вотъ она - буцара, за пятнадцать номе-ровъ знавшая... однако, что же вы еще здѣсь-вѣдь, вдвоемъ угодно было подать прошенiе?

Шниковъ. Но я совершенно смущенъ, полковникъ!

Контора подали рапортовъ у васъ все равно что никто.
 Вотъ ваши комиссионеры доказываютъ, что кон-
 тора построений все ваши учреждения перекупили.
 Правительство перевела, другого послала на свиданье;
 а съ глубокимъ сожаленьемъ.

Кашкаревъ. (вскликивая.) Какъ ситым! Какъ ситым!
 Вотъ подите, вводите образование... Благодарю васъ...
 благодарю... не только словъ, чтобъ выразить мою бла-
 годарность, что вы мне открываете глава на без-
 порядки! Это ужасно! да какъ они ситым... о! я
 же мне покажу, я покажу...

Чижиковъ. Но, если вы мне позволите, полковникъ.

Кашкаревъ. Я сейчасъ же мне пошлю нѣсколь-
 ко запросовъ, они у меня запишутъ... (Пишетъ) Зап-
 росъ первый: „на какомъ основаніи контора построе-
 ній самоуправно распорядилась съ неподвластнымъ
 ей чиновникомъ?“ Запросъ второй: „какъ могу
 допустить главноуправляющій, чтобъ правитель
 думъ не сдѣлалъ своего поста отправивша на сви-
 данье?“

Чижиковъ (про себя.) Ну, пойдеть кутерьяма!

Кашкаревъ (пишетъ.) Запросъ третій: „какъ мог-
 ло видѣть равнодушно бюро сельскихъ дѣлъ, что да-
 же не существуетъ контора подали рапортовъ и до-
 несеній... О! я же покажу!... (Комиссионеру.) Снеси
 эти запросы въ контору построений... (Комиссионеръ ухо-
 дитъ. Онъ пишетъ.) Запросъ четвертый...

Чижиковъ. Позвольте поблагодарить васъ, полковникъ,
 за ваше гостепріимство, но я спѣшу. Я уже сообщилъ вамъ,
 Л. С.

обращении господина Шенетникова с вашей родственницей, дочерью генерала Геприщева, и я считаю долгом распространиться.

Кашкаревъ. Куда? вы хотите уехать? и в какую минуту, когда вы открыты беспорядки поуправлению.

Шиковъ. Мне право необходимо...

Кашкаревъ. Ничего, я вас не пущу. Теперь уже собственное мое честолюбие затронуты. Я докажу, что значит органическое правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дело такому человеку, который один стоит вехам, он встает у меня тут в кабинете. Окончив университетский курс. Чтобы не терять драгоценного времени, покорнейше прошу посетить у меня здесь в библиотеку. Вы увидите, он много поможет результату вашему делу.

Шиковъ. Но князь вас, полковник...

Кашкаревъ. Тут книги, бумага, карандаши, все... Пользуйтесь, пользуйтесь вехам: вы господин. Просвещение должно быть открыто вехам. (Уходит.)

Шиковъ (один) Это черт знает, что такое и держава не меня неслеткая обманывается обь мертвых душах... Теперь, помяну, скоро не отпустят... Не стоит тут и лошадей откладывать, потому что о корить пошла бы письменная просьба и резолюция выдать обь лошадей вышла бы на другой день. Впрочем, думать нечего, подождать, может и в едином драме университетский человек скоро

меня отпустишь. (Осматривается) Тихо!.. сколько тут книг! Посмотрим... (Берет книгу) Лесоводство... садоводство... скотоводство... свиноводство... как наука... (Бормочет) Ну, это все не про меня... Нету тут ничего из вещей - то не найдем ни одной книги для приятного препровождения времени? Посмотрим этот шкаф... (Внимательно книгу). Предупредительное вступление в область мышления... Теория общности, совокупности, сущности в применении к уравнительно организационным задачам свободного раздвоения общественной производительности? Или ты, какая философия, не сразу и выговорилась... (Открывает другую книгу). Проявление, развитие, обратность, замкнутость и соотнесенность?.. (Закрывает книгу) И хоть тебе известно, что там есть... Да ну что же вся библиотека... тьфу!.. Тупо что... (Смотрит на корешки книг). Тупо все по отрывку искусства. (Взвешивает большую книгу). Это что? (Открывает). Да, ба, ба!.. да тут картинки... и философического содержания... Поэзия и мифы в довольно откровенном порядке... Эх... интересно... (Разглядывает книгу). Смотри пожалуйста... ой, ой, ой, ой... такая, однако, интересная книга. (Пересматривает книгу, шмыгав удовлетворенно). Выходит Камшарев. Читатель быстро закрывает книгу и принимает серьезный вид.)

Камшарев. Я вовсе не говорю, что он много все скажет, не ценю я ему сообщить вашей просьбы, как он потянул набросать резолюцию.

Чичиковъ. И то очень скоро...

Хашкаревъ. Все съдѣлано, и съдѣлано отлично! Человѣкъ этотъ чрезвычайно чистый. За то я поставлю его выше всякаго и для него одного заведу особое управленіе и поставлю его президентомъ. Вы посмотрите, какая свѣтлая голова и какъ въ ничтолько минутъ онъ рѣшилъ все.

Чичиковъ. Ну, слава те Господи!

Хашкаревъ. Просишайте, что хотите. (Читаетъ) „Приступая къ обдумыванью возмезднаго на меня Вашимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, честь мнѣ лишь довести на оное: 1°) Въ самой просьбѣ господина коллежскаго советника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумѣніе: въ изъясненіи того, что требуютъ ревизскія души всякими внезапностями вставленныя въ умершия подгосимы, втораго, они изволимъ разумнѣе блужданія къ смерти, а не умершия. Что же и приобрести, если ничего нѣтъ? Объ этомъ говорить и самая логика, да и въ словесныхъ наукахъ они видно не далеко ушли! (Говоритъ) Въ этомъ имѣетъ плутокъ, онъ немножко коннужъ вамъ, но сознайтесь, какое байкое перо!.. станетъ секретарскій слогъ, а въ годъ всего три года побывъ въ университетѣ, да же не кончивъ курса... (Читаетъ) „Въ словесныхъ наукахъ, какъ видно не далеко... ибо выразились о душахъ умершихъ, тогда какъ всякому, изучившему курсъ познаній челоука въ нихъ, извѣстно доподлинно, что душа безсмертна. Во вторыхъ, оныхъ, упомянутыхъ ревизскихъ души

приливых или прибывных, или какь неправильно
 изволимь выразитесь умеренно, тьма на лицо
 таковых, которыхь не были бы въ залогъ, ибо все въ
 совокупности не только заложены безъ изъятья, но
 и перезаложены съ прибавкой по полуторасти руб-
 лей на душу, краише небольшой деревни Туринской
 находящейся въ спорномъ положеніи по слугую
 тямъ съ полковникомъ Придичевымъ и потому
 ни въ продажн, ни въ залогъ поступать не могутъ.

Шиковъ. Итакъ заложилъ же вы мне этого не объя-
 вили президе? заложилъ и въ цукетакъ держали?

Кашкаревъ. Да! да, вѣдь, нужно было, чтобы все
 это увидѣли сквозь форму бумажнаго производст-
 ва. И такъ не штука. Безсознательно можетъ и
 дуракъ увидѣть, но нужно сознательно.

Шиковъ. Прощайте.

Кашкаревъ. Прощайте... (Соблаговываетъ его за руку.)
 Еще, еще разъ благодарю васъ, - душевно благодарю за
 то, что вы дали мне случай увидѣть на дѣлѣ это
 производствъ... Передрагу, и гонку, нужно дать необ-
 ходимо, потому что все способно задремать - и пу-
 тинны управленія могутъ заржаветь и ослабѣть.
 Да же, знаете что? - вслѣдствіи этого события мне
 пришла счастливая мысль: устроить новую кон-
 тору, которая будетъ называться, конторою наблю-
 денія за конторою построеній, такъ что ужъ тог-
 да никто не осмѣлится украсть...

Шиковъ. Прощайте. (Уходитъ. Кашкаревъ за нимъ.)

Занавѣсъ.

Картина 5^я

"Баба у Губернатора"

Прокуроръ Конечно, это такъ, противъ стараго и спору нѣтъ: земли въ томныхъ губернияхъ точно хороши и плодородны, но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки, вѣдь, нѣтъ никакой.

Полциѣмейстеръ. Этобы еще ничего, что нѣтъ воды, этобы ничего, Степанъ Дмитриевичъ, но переселение-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное: что мужикъ на новой землѣ? Да заняться бы еще жильемъ-нашеествомъ, да ничего у него нѣтъ, - ни избы, ни двора, - убежища, какъ дважды два, да вострять такъ лыжи, что и сѣсть не отыщешь.

Предводитель. Нѣтъ, Анетскій Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ вами, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убежитъ. Русскій человекъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Ставили его хоть въ Камчатку, да дай теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ рукаши, топоръ въ руки и пошелъ рубить себѣ новую избы.

Полциѣмейстеръ. Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустишь изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще каково мужикъ у Чичикова? Позабывъ то, что вѣдь хорошаго человека не продасть помилуйтъ; я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, правдоша-

тайка и буйного поведения.

Председатель. Так, так, на это я согласен, это правда, никто не продаст хороших людей, и мужики Чичикова пьяницы; но нужно принять во внимание, что вот тут-то и есть мораль, тут-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а переселившись на новую землю, вдруг могут сдаться отличными подданными. Их было не мало толковых прикирвов - просто во ширь, да и по историческое.

Управляющий казенными фабриками. Никогда, никогда, конечно, никогда этого не может быть; ибо у крестьян Чичикова теперь будут два сильные врага. Первый враг есть близость губерний малороссийских, где, как известно, свободная продажа вина. Я вас уверяю, в две недели они изопьются и будут стелки. Другой враг есть уже самая привычка к бродяжничеству, которая необходимо приобретается крестьянами во время переселения. Нужно разве, чтобы они вечно были перед глазами Чичикова и чтобы они держали их в ежовых рукавицах, гоняли бы их за всяким вздором, да и не то чтобы сами такие много, где сидят, да и зуботыши, и подзатыльники.

Председатель. Зачем же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Он может найти и управителя.

Управляющий казенными фабриками. Да, найдете управителя: все мошенники: мошенники по-

тому, что господа не занимаются делом.

Многие. Это правда!

Председатель. Знай господине самъ хоть скажи
нибудь толку въ хозяйствѣ, да умный развѣдаться
людей, - у него будетъ всегда хороший управитель.

Управляющій казенными фабриками. Меньше,
какъ за 5000 нельзя найти хорошаго управителя.

Председатель. Можно и за 3000 тысячами сыскаѣ.

Управляющій казенными фабриками. Гдѣ же вы его
сыщете? разве у себя въ носу!

Председатель. Ничто, не въ носу, а въ здѣшнемъ -
не угодъ, именно - Петръ Петровичъ Самойловъ. воѣ
управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова.

Прокуроръ. Да, нужно войти въ положеніе Чичико-
ва. Трудность переселенія такого огромнаго количе-
ства крестьянъ чрезвычайно устрашаетъ. Не произо-
шло бы даже бунта между такими безвоточными
народомъ, каковы крестьяне Чичикова.

Полцимейстеръ. Бунта чего опасаться, въ от-
вращеніе его существуетъ власть капитана-исправ-
ника, и капитанъ-исправникъ самъ хоть и не гдѣ,
а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой,
то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до са-
малю мѣста ихъ жительства.

Полцимейстеръ. Чичикову предстоитъ священна
обязанность: онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ
крестьянъ, нѣкоторого рода отцомъ, ввести даже
диалогическое просвѣщеніе. Вотъ напримѣръ, -
большой похвалы заслуживаютъ Ланкастеровныя

школы взаимного обучения

(Подходит Собакевич.)

Инспектор врачебной управы. А, Михаилъ Семельвичъ, ваме какъ здоровье?

Собакевичъ. Слава Богу, не пожалуется.

Председатель. Да, вы всегда славились здоровьемъ, и покойный вашъ батюшка былъ также крепкий человекъ.

Собакевичъ. Да, на медведя огня захивавъ.

Председатель. Мне кажется однако-же, вы бы тоже подавали медведя, если бы захотели выиграть противъ него.

Собакевичъ. Глупъ, не подаю. Покойникъ былъ умелая потрынке. (Вздыхаетъ.) Глупъ, теперь не такъ люди: вотъ хоть и моя жизнь... что за жизнь? такъ какъ-то себя...

Председатель. Чья же ваша жизнь не красна?

Собакевичъ. Не хорошо, не хорошо... Вы посудите, Иванъ Григорьевичъ, пятый десятокъ живу, ни разу не былъ боленъ, хоть - бы горло заболело, вередъ или чирей выскошилъ... Ничтъ, не такъ добру! Когда нибудь придется поплакаться за это.

Председатель (про себя). Дрякъ его! На что вздумавъ пенять! (Встаетъ.) Ахъ, Боже мой, Павелъ Ивановичъ!

Почтеннейшій Павелъ Ивановичъ! (Чушковъ подходитъ.)

Позвольте прижать васъ, Павелъ Ивановичъ! (Обнимаетъ.)

Полицеймейстеръ (принимая въ объятія Чушкова). Давайте-ка его сюда, вотъ я его поутрынке потрынке, моего дорогого Павла Ивановича!

Инспекторъ врачебной управы. (принимая Чижкова изъ руку полицій-местера и обнимая его.) Вотъ вы здѣ, Павель Ивановичъ! Вотъ онъ, нашъ Павель Ивановичъ!

Почтмейстеръ (обнимая Чижкова.) Душа моя, Павель Ивановичъ!

Управляющій казенными фабриками. (также обнимая.) Почтмейстеръ, Павель Ивановичъ!

Собакевичъ (пожимая руку.) Павель Ивановичъ!

Председатель. Какъ вотъ какъ! Какимъ-то образомъ, Павель Ивановичъ, такъ вотъ вы приобрѣли!

Чижковъ. Приобрѣлъ!

Председатель. Благое дѣло! право, благое дѣло.

Чижковъ. Да я вижу самъ, что болѣе благого дѣла не могу предпринять. Какъ бы то ни было, утѣль чешовъ-ка все еще не опредѣлена, если онъ не сталъ наконецъ твердого ступой на прочное основаніе, а не на какую-нибудь вольнодумную шимеру тоюости.

Собакевичъ (Чижкову.) Да что же вы не скажете Ивану Григорьевичу, что такое именно вы приобрѣли? - а вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спросите, какое приобретение они сдѣлали? Вѣдь, какой народъ! Просто залото! Вѣдь, я лишь продамъ и каретника Михеева.

Председатель. Нѣтъ, будто и Михеева продамъ? Я знаю каретника Михеева: онъ лишь дронки передѣлавъ. Только позвольте, какъ же? Вѣдь вы лишь ставили, что онъ умерт?

Собакевичъ. Что, Михеевъ умерт? Это его братъ-умерт; а онъ презвивекопѣтій и стаивъ здоровье преняго. На дняхъ такую брѣкту подмакну, что и въ Москвѣ

не сдѣлать. Вижу, по настоящему, только на одного Государя работать.

Председатель. Да, Михеевъ славный мастеръ и я дивюсь даже, какъ вы могли съ ними разстаться.

Собакевичъ. Да будто одинъ Михеевъ! А пробка Степанъ плотникъ, Милушкинъ кирпичникъ, Мелетниковъ Максимъ сапожникъ, - вѣдь все пошли, все же продать!

Председатель. Затѣмъ же вы пошли, дядюшка, подобнымъ необходимымъ для дома и мастерскимъ?

Собакевичъ (махнувъ фукой.) А! такъ, просто, наша дурь: дай, говорю, продать, да и продать съ дуру! (Отуть-туть въ голову.) Вотъ и съдой человекъ, а до сихъ поръ не набрался ума!

Председатель. А позвольте, Павелъ Ивановичъ, вы, вѣдь купили крестьянъ на вывозъ... А въ какія мѣста?

Чичиковъ. Въ мѣста?... въ Дерзунскую губернію...

Председатель. О тамъ отличныя земли. Тамъ отличныя травы по рослости удивительныя. А земли въ достаточномъ количествѣ?

Чичиковъ. Въ достаточномъ; столько, сколько нужно для купленныхъ крестьянъ.

Председатель. Рыка или прудъ?

Чичиковъ. Рыка. Впрочемъ и прудъ есть.

Прокуроръ. А мы вотъ зорько разсудили безъ васъ: не нужно ли будетъ на случай бунта конвой для безопаснаго препровождения вашихъ крестьянъ отсюда жительства.

Чичиковъ. О, онъ совершенно не нуженъ. Крестьяне

весь отменно смелого характера, чувствуют сами добровольное расположение къ переселенно и бунта мек- ду ними быть не можетъ. (Глядя на Собакевича)

Собакевичъ (на ухо Чичикову) есть почемъ купили душу у Гилышкина?

Чичиковъ. А Воробья зачѣмъ пригласил?

Собакевичъ. Какого воробья?

Чичиковъ. Да бабу, Елизавету Воробья, еще и букву въ поставили на кончикъ.

Собакевичъ. Глупые, никакого воробья я не пригласилъ. (Отворачивается и отходитъ къ другимъ гостямъ)

Чичиковъ (стремительно бросается на встречу Губернатору, который увидя его направляется къ нему и бросаетъ изъ руки болюнку, которую показывая дамамъ)

Губернаторъ (протягиваетъ обѣ руки) Молодой Павелъ Ивановичъ!

(Чичикова окружаютъ дамы. Въ это время начинаютъ танцовать галопадъ. Почтмейстерид, капитанъ-исправникъ, дама съ голубыми перомъ, грузинскій князь, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ елловскя, французъ Куку, Перхуновскій, Берендговскій. Во время танцевъ къ Чичикову окруженному дамами, подходитъ Губернаторша, подя руку съ дочерью)

Чичиковъ (убежденная съ дамами) Что жизнь наша? Должна, гдѣ поселились горести. Что свѣтъ? - Стоишь людей, которая не чувствуетъ.

Губернаторша. А Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ вы!.. Неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что крѣзь въ немъ битье ни мѣста, ни самаго тѣснаго угла

для безжалостно позабытых вами?

Чижиковъ. (въ смущеніи борючись что-то неясное.)

Губернаторша. Вы не знаете еще мой дочери? Ан-стипутка, только что выпущена.

Чижиковъ. Глупость, я ишь только счастье некаянныишь образомъ познакаимтъсь... на дорогахъ... когда по шпюности куперовъ или лошадей... наши Экипажи такъ странно споткнулись...

Губернаторша. Ахъ, да, да, пошито... такая странная встреча... (Отходитъ къ другимъ гостямъ.)

(Чижиковъ стоитъ неподвижно, въ сильномъ смущеніи, задумавшись. Его вновь окружаютъ дамы.)

Анна Григорьевна. Позволено-ли намъ, беднымъ друзьямъ земли, быть такъ дерзкими, чтобы спросить васъ, о чемъ мечтаете?

Чижиковъ. (молчитъ.)

Софья Ивановна. Где находится тѣ счастливыя мѣста, въ которыхъ порхаетъ мысль ваша?

Чижиковъ. (молчитъ.)

Дама. Можно-ли знать имя той, которая погрузила васъ въ эту сладкую долину задумчивости?

Чижиковъ. (отходитъ въ другую сторону, высматривая дочь губернатора съ дочкой. Въ это время танцуютъ вальсъ и мазурку. Потемнѣвшая съ тѣнью опущенной набокъ головкой, дама въ пилсовыхъ сапогахъ, армейскій штабъ-офицеръ отвертывавшій такія на, какіхъ и во стѣ не слылось. Чижиковъ садится рядомъ съ дочерью губернатора. Что-то разсказываетъ, она видимо скучаетъ. 1ая дама, проходя мимо задѣла ее рукою своего платка, а шар-

форму махнула ей по лицу; дамы проходя мимо говори-
ли короткости, вь сторону китиди сатирической стили-
на танцовавшее общество.)

ЧИШКОВЪ (продолжая разговоръ съ дочерью губернтато-
ра.) Еще греческій философъ Діогенъ... (Увидя подхожда-
щаго Ноздрева подь руку, съ прокуроромъ смущается, обра-
вываетъ ротъ и встаетъ чтобы уйти; но къ нему подходитъ
Губернаторъ съ двумя фамиди.)

Губернаторъ. Ставель Ивановичъ, будете судей въ спо-
рѣ моемъ съ моими фамиди: продолжительна-ли экен-
ская любовь или кротость?

Ноздревъ (подходя съ урчанимъ смѣхомъ.) А, херсонскій
политыщикъ, херсонскій политыщикъ! Что, много торго-
валъ мертвыхъ? (Обрацающаяся къ губернатору.) Вьдѣ, вы не
не знаете, ваше превосходительство! онъ торкуеть мерт-
выми душами! Вѣи Богу! Послушай, Чижиковъ! Вьдѣ ты,
я тебѣ говорю по дружнотѣ, вотъ мы все здѣсь твои друзья,
вотъ и его превосходительство здѣсь, - я бы тебя повѣсилъ,
ей - Богу повѣсилъ! Повторите-ли, ваше превосходитель-
ство, какъ сказавъ онъ мнѣ: „продай мертвыхъ души“, я
такъ и лопнулъ со смѣхад. Стрѣльзанаю слова, много гово-
рять, что накупишь на три милліона крестьянъ на
выводѣ. Какихъ на выводѣ! Да онъ торговалъ у меня
мертвыхъ. Послушай, Чижиковъ: да ты скотина, ей Богу
скотина! Вотъ и его превосходительство здѣсь... не прав-
да-ли, прокуроръ? (Прокуроръ, губернаторъ, Чижиковъ въ
сильномъ смущеніи.) Умъ ты, братъ, ты, ты... я не отой-
ду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мер-
выхъ души. Послушай, Чижиковъ, вьдѣ, тебѣ право ствѣд-

но; у тебя, ты сам знаешь, почти лучшего друга, как я. Вот и его превосходительство здесь... не правда-ли, прокурор? Вы не повторишь, ваше превосходительство, как мы друг к другу привязаны, то есть, просто, если бы вы знали, вот я тут стою, а вы бы сказали: „Ноздрев! скажи по совести, кто тебе дороже, отец родной или Чичиков?“ Скажи - Чичиков, ей Богу! Столько дура, я тебе велью одишь себе. Уж вы позволите, ваше превосходительство, поучловать меня его. Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлать тебе в бюбюльничную щелку твою!

Чичиков отпихивает Ноздрева, хотювимо объять его. Ноздрев едва удерживается на ногах. Дев крутомидом по идм расофатя. Чичиков скривается. Начинатся котильон. Ноздрев садится на пол и хватается за ноги танцующих. Столицийmeister и нивкаско голтей его отпихивают.

Столицийmeister. Стойте, что вы безобразниае?

(Ноздрев протестует, его уводят.)

Председатель. Стомотрите, какую лонь распутили про Чичикова. (Шепчет на ухо управляющему казенными фабриками.)

Управляющий казенными фабриками. Да это совершенно пошная лонь, не стоящая никакого внимания. (Подходит к инспектору врачебной управы и шепчет ему на ухо.) Не правда-ли, такая пошная лонь?

Инспектор врачебной управы. Конечно, пошная лонь!

Управляющий казенными фабриками. И я тоже говорю пошная лонь, не стоящая никакого внимания.

1. Бюстцо ифетт на ветрниц, гостно.)
1. Шанцы (мазурка.)
1. Поздревь хватаеть за пиагве танцующихь дам.)

Знавьсь.

Картина 6^я

"У дамь прїятной во вєрьхь отношєньяхь."

Двїствурющїя олиця:

Анна Григорьевна, дама прїятная во вєрьхь отношєньяхь.

Софья Ивановна, просто прїятная дама.

Болубая гостинная съ диваномь, овалньимь столомь, шрифочкамь обитымь пухомь. На дивань подушка, на которой шєрстїю вышиты фьцарь. На окнахь горшки

сь цвѣтами и попурай въ кресельхъ съ кольцами.)

Анна Григорьевна. (Узнавъ о прїездѣ гостей, бѣжитъ въ переднюю на встрѣчу, гдѣ просто прїятная дама освобождается отъ своего кресла. Дамы ухватились за руки, поцѣловались и вскрикнули какъ вскрикиваютъ институтки, встрѣтившіяся вскоре послѣ выпуска. Поцѣловуи совершившия звонок и обѣ дамы отправились въ гостиницу.) Сюда, сюда, вотъ въ этоуе уголокѣ! (Усажива-
етъ гостей въ уголѣ дивана.) Вотъ такъ! Вотъ такъ!
вотъ ваши и подушка! (Затихиваетъ ей за спину по-
душку съ рыцаремъ). Какъ-же я рада, что вы... Я слы-
шу кто-то надыхаетъ, да думаю-себѣ, кто-бы могъ
такъ рано? Старшая говоритъ: „вишь - губернаторши“,
а я говорю: „Ну, вотъ опять прїехала дура надотдаѣ“,
и унѣ хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома... (Тотъ
хочетъ начать говорить но Анна Григорьевна издаетъ
восклицаніе.) Какой веселенькій ситицецъ! (Раздвѣлива-
етъ платице просто прїятной дамы.)

Софья Ивановна. Да, очень веселенькій. Страховна Се-
доровна, однако-же, находитъ, что лучше, если бы кль-
точки были помельче, и чтобы не коричневые были кра-
пки, а голубые. Сестрѣ я прислала матерїяку: это
такое очарованье, котораго, просто, нельзя выразить сло-
вами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія, узенькія, ка-
кія только можетъ представить воображеніе чело-
вѣческое, фонъ голубой и черезъ полоску, все шавки и ланки,
шавки и ланки, шавки и ланки... Словомъ, безподоб-
но! Можно сказать фривольно, что ничего еще не
было подобнаго!

Анна Григорьевна. Милая, это пестро.

Софья Ивановна. Ах, никак, не пестро!

Анна Григорьевна. Ах, пестро!

Софья Ивановна. Уверено же вась, что это отнюдь не пестро.. (Закрикнув.) Да, поздравляю вась: оборотъ битвы не носить!

Анна Григорьевна. Какъ не носить?..

Софья Ивановна. На мнѣсто ихъ фестончики.

Анна Григорьевна. Ахъ, это не хорошо - фестончики!

Софья Ивановна. Фестончики, все фестончики: пелеринка изъ фестончиковъ, на рукавахъ фестончики, то-летузы изъ фестончиковъ, внизу фестончики, вездѣ ~ фестончики.

Анна Григорьевна. Не хорошо, Софья Ивановна, если все фестончики...

Софья Ивановна. Мило, Анна Григорьевна, до невь-роятности; шьется въ два рубрика, широкія проймы и сверху. Но вотъ, вотъ когда вы изумитесь, вотъ ужъ когда скажете, что... Ну, изумляйтесь, вообразите: лифчики пошли еще длиннѣе, впереди мысколь, и передняя коготка советомъ выходитъ изъ грануль; тобка вся собирается вокругъ, какъ бывало встарину, фистели, да же свади немножко подмадываютъ ватку, чтобы была совершенная белъ-фаши.

Анна Григорьевна (сдѣлавъ движение головой съ чувствомъ фестончества.) Глупо, ужъ это просто... признатое...

Софья Ивановна. Именно, это ужъ, точно... признатое!

Анна Григорьевна. Ужъ какъ вы хотите, я ни за что не стану подражать этому.

Софья Ивановна. Я сама тоже... право, какь вообра-
зишь, до чего иногда доходитъ мода... ни на что не по-
хоже! Я выпросила у сестры выкройку, нарочно сфа-
сильху; Меланья моя принялась шить.

Анна Григорьевна. (вскрикнувъ съ замѣтливимъ сердечнымъ
волнениемъ) Такъ у васъ работъ есть выкройка?

Софья Ивановна. Какъ же? Сестра привезла.

Анна Григорьевна. Душа моя, дайте ее мнѣ, ра-
ди всего святаго!

Софья Ивановна. Ахъ, я уже дала слово Прасковѣ Се-
доровнѣ! Савать пошлю ей.

Анна Григорьевна. Что-жъ станете носить пошлю
Прасковѣ Седоровнѣ? Это уже слишкомъ странно
будетъ, съ вашей стороны, если вы чужихъ предпочи-
таете своимъ...

Софья Ивановна. Да вѣдь она тоже мнѣ двою-
родная тетка.

Анна Григорьевна. Она ваша тетка, еще Боже
знаетъ, какая: съ мужицкой стороны... Нравъ, Софья
Ивановна, я слышать не хочу; это выходитъ - вы мнѣ
хотите нанести такое оскорбленіе... видно, я вашего
накукуша уже, видно, вы хотите претратить со
мною всякое знакомство. (Небольшое молчаніе, во вре-
мя котораго Софья Ивановна не знаетъ, что ей дѣлать.)

Ну, что же намъ прелестнѣе?

Софья Ивановна. Ахъ, Боже мой! что-жъ я такъ
живу, передъ вами! Вотъ хорошо! Вѣдь вы знаете,
Анна Григорьевна, съ чѣмъ я пришла къ вамъ. (Со-
спершимъ движениемъ отъ нетерпѣнія передаетъ разказъ,

наширывается говорить, но Анна Григорьевна холодно, — равнодушно ее останавливает, прерывая.)

Анна Григорьевна. Какъ вы не выхваляете и не превозносите его, (съ зривотннн больше нежели обыкновеннаго.) а я скажу прямо, и ему въ глаза скажу, что онъ негодный человекъ, негодный, негодный, негодный!

Софья Ивановна. Да послушайте только, что я вамъ открою...

Анна Григорьевна. Распустили слухъ, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него... самый неприятный носъ...

Софья Ивановна. Позвольте-же, позвольте же только рассказать вамъ... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Въдь это исторія, понимаете-ли: исторія — скандалъ исторія...

Анна Григорьевна. Какая же исторія?

Софья Ивановна. Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! если бы вы могли только представить то положение, въ которомъ я находилась! Вообразите, приходитъ ко мнѣ сегодня протопонша, протопонша, отца Кирилы жена, и чтобы вы дурачили? Глашъ-то смиренннхъ, прнвозонн-то нашъ, каковъ, а?

Анна Григорьевна. Какъ? нуужели онъ и протопоншнхъ строшнхъ туры?

Софья Ивановна. Ахъ, Анна Григорьевна, пусть-бы еще туры, чтобы еще ничего, слушайте только, что рассказала протопонша. Трихана, говоритъ, съ ней помншнца Коробочка, перепуганная и блндная какъ смерть, и рассказываетъ, и какъ рассказываетъ! По-

слушайте только, совершеннейший романъ: вдругъ въ глухую полночь, когда все уже спало въ дрище, раздаётся въ ворота стукъ, ужаснейший, какой только можно себя представить, кричатъ: „отворите, отворите, не то будутъ выломаны ворота!“.. Каково вамъ это покажется? Каковъ-же носкъ этого преступникъ?

Анна Григорьевна. Да что, Коробочка развѣ молодая и хороша собою?

Софья Ивановна. Ничуть, старуха!

Анна Григорьевна. Ахъ, прелести! Такъ онъ за старуху принялся? Ну, хороше-же носкъ этого вкусь нашего дачи. Нашли въ кого влюбиться!

Софья Ивановна. Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, советишь не то, что вы полагаете. Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ночь до головы въ рафѣ Финандо-Финандина и требуетъ: „продайте“, говоритъ, „всѣ души, которыя умерли.“ - Коробочка отбываетъ очень резонно, говоритъ: „я не могу продать, потому что онъ мертвья!“.. „Нѣтъ“, говоритъ, „онъ не мертвья, это мое“, говоритъ, „дѣло знать, мертвья онъ, или нѣтъ; онъ не мертвья, не мертвья!“ Кричитъ, - „не мертвья!“ Словомъ, скандальозу надрывалъ ужаснаго: вся деревня собралась, ребентки плачутъ, все кричитъ, никто никого не поминать, ну, просто-оррёръ, оррёръ, оррёръ!.. Но вы себѣ представить не можете, Анна Григорьевна, какъ я перетревожилась, когда услышала все это. „Тялубушка, барыня“, говоритъ мнѣ Емашка, „посмотрите въ зеркало, вы блѣдны.“ „Не до зеркала“, говорю, „мнѣ:

я должна ехать, разговаривать с Анной Григорьевной". В ту-же минуту приказываю заморозить коляску; кучеръ Андрушка спрашивает меня, куда ехать, а я ничего не могу и говорю, гляжу, просто емъ въ глаза, какъ дура; я думаю, что она подумала, что я сумасшедшая. Ахъ, Анна Григорьевна! если-бы вы только могли себя представить, какъ я перетревожилась.

Анна Григорьевна. Это однако-же, странно; чтобы такое могли значить эти мертвыя души? А, признаться, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говоритъ, что воздревъ вѣтъ: что нибудь вѣрно-же есть.

Софья Ивановна. Но представьте-же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это! "И теперь", говоритъ Коробочка, "я не знаю", говоритъ, "что мнѣ дѣлать! Заставили", говоритъ, "подписать меня какую-то франшизную бумагу, бросивъ пятнадцать рублей ассигнаціями; я", говоритъ, "неопытная, безпомощная вдова я ничего не знаю"... Такъ вотъ произшествія! Но только если бы вы могли сколько нибудь себя представить, какъ я вся перетревожилась!

Анна Григорьевна. Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое.

Софья Ивановна. (не безъ удивленія, съ сильными мотоботствами) А признаться, монсе... (съ рафетановкой) А что-же, вы полагаете, здѣсь скрывается?

Анна Григорьевна. Ну, какъ вы думаете?

Софья Ивановна. Какъ я думаю?... А, признаться, совершенно потеряна.

Анна Григорьевна. Но однако-же, я бы все хотела знать, какія ваши на счетъ этого мысли?

Софья Ивановна (съ выраженіемъ полнѣйшей безпомощности составитъ какое либо ситовливое предположеніе, остается безмолвной. Пауза.)

Анна Григорьевна. Ну, слушайте-же, что такое эти мертвыя души...

Софья Ивановна (мгновенно обратилась вся въ слезы, да же какъ бы приподнялась, почти не сядя и не держаась на диванѣ, какъ бы стона въдругъ тоньше и легче пуха.)

Анна Григорьевна. Мертвыя души...

Софья Ивановна (съ восторженіемъ). Что, что?

Анна Григорьевна. Мертвыя души...

Софья Ивановна. Ахъ, говорите ради Бога

Анна Григорьевна. Это просто выдуманно только для прикрытій, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хотѣлъ увезти губернаторскую дочку.

Софья Ивановна (сидитъ какъ окаменѣлая, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ. Отрашно восторженная, величавъ руками, вскрикиваетъ) Ахъ, Боже мой! ужъ этого я бы ни-какъ не могла предполагать!

Анна Григорьевна. А я, признаться, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло.

Софья Ивановна. Но каково-же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! Видѣть вотъ невинность!

Анна Григорьевна. Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія фразы, что признаться, у меня не станеть духа произнести ихъ.

Софья Ивановна. Знаете, Анна Григорьевна, вкось это, просто, раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность. А мужчины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я, признаюсь, ничего не нахожу въ ней.

Анна Григорьевна. Манерна нестерпимо.

Софья Ивановна. Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! она статуя, и хотъ бы какое нибудь выражение въ лицъ!

Анна Григорьевна. Ахъ, какъ манерна! ахъ какъ манерна! Боже какъ манерна! Кто выучилъ ее, я не знаю, но я еще не видывала женщины, въ которой было бы столько жеманства.

Софья Ивановна. Душенька! она статуя и бивдна какъ смерть.

Анна Григорьевна. Ахъ, не говорите, Софья Ивановна, фуриянится безбожно.

Софья Ивановна. Ахъ, что это вы, Анна Григорьевна, она мтьвь, мтьвь, чистый мтьвь.

Анна Григорьевна. Ммная, я сидела возитъ нея: фуриянецъ въ палець толциной и отванивается, какъ штукатурка, кусками. Мать ввучила, сама коткетка, а дочка еще превзойдетъ матушкцу.

Софья Ивановна. Ну, позвольте, ну, положите сами къятву, какую хотите, я готова сей-же какъ лимифъ-ся дьтей, муна, всего и мтьвьня, если у ней есть хотъ одна капелька, хотъ рдетица, хотъ тьвь какого нибудь фуриянца!

Анна Григорьевна (встпестувъ руками). Ахъ, что вы это говорите, Софья Ивановна!

Софья Ивановна (также вешаетуль рукаши). Ах, какія-же вы, право, Анна Григорьевна! Ах, изумление на васъ гляну. Ну, вотъ вамъ еще доказательство, что она бивдна: я помню, какъ теперь, что я сижу, возить Манимова и говорю ему: „посмотрите, какая она бивдная!“ Страно, нужно быть до такой степени безтолковыми, какъ наши мужчины, чтобы восащатъся ею. А нашь-то престешникъ... Ахъ, какъ онъ мнѣ показался противнымъ? Вы не можете себя представить, Анна Григорьевна, до какой степени онъ мнѣ показался противнымъ!

Анна Григорьевна. Да, однако-же, нашлись нѣкоторыя дамы, которыя были неравнодушны къ нему.

Софья Ивановна. Я, Анна Григорьевна? Вотъ ужъ никогда вы не можете сказать этого; никогда, никогда!

Анна Григорьевна. Да я не говорю объ васъ, какъ будто, кромѣ васъ, никого нѣтъ.

Софья Ивановна. Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я очень хорошо себя знаю, а развѣ со стороны какихъ нибудь иныхъ дамъ, которыя играютъ роль недоступныхъ.

Анна Григорьевна. Ужъ извините, Софья Ивановна! Ужъ позвольте вамъ сказать, что за мной подобнахъ скандалозностей никогда еще не водилось. Да къши друшнѣ развѣ, а ужъ за мной нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ вамъ это замѣтить.

Софья Ивановна. Отчего-же вы обидѣлись? — Вѣдь наши были и другія дамы, были даже такія, которыя первыя засадили ступи у дверей, чтобы сидѣть къ

нему поближе!.. (Тауза.) Я не могу, однако же, понять только того, - какъ Чичиковъ, будучи человекъ завысшей моею фримицией на такой отвратительной пассажъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ не было участниковъ.

Анна Григорьевна. А вы думаете - кто же ихъ?

Софья Ивановна. А кто же бы, полагаете, могъ по-могать ему?

Анна Григорьевна. Ну, да хоть и Фоздревъ.

Софья Ивановна. Неужели Фоздревъ?

Анна Григорьевна. А что же? Вѣдь его на это ста-нетъ. Вы знаете - онъ родного отца хотѣлъ профать, или еще лучше - проиграть въ карты.

Софья Ивановна. Ахъ, Боже мой, какія интересныя новости я узнаю отъ васъ! Я бы никакъ не могла - предполагать, чтобы и Фоздревъ быль замѣшанъ въ эту исторію!

Анна Григорьевна. А я всегда предполагала!..

Занавѣсъ.

Картина 1^я

"У председателя."

(Повествование о капитанше Копышкиной.)

Председатель (встряхивая в дверях прокурора.) Ну, что узнали от Собакевича?

Прокурор (сажая и опуская голову.) Во всю жизнь не было трактовать такими образом.

Председатель. А что?

Прокурор. Оплеваны советами.

Председатель. Как?

Прокурор. Говорить, что на службу отъ меня проку нет. А я ни одного доноса не подаю на товарищей. В других местах прокурор, что недаром, посылает доносы... а даже и тогда когда служебным было подать доносами; не задерживать ни одной бумагой...

Председатель. Плань что же онъ обь Чичикова говорить?...

Прокурор. Что говорить?... Бабами называть ветях, обругаво дураками. Вы бы съ этими же допросами посоветились-бы, говорить, даже и приходите конья... Вы бы пошли, говорить, съ пряхами, что по вечерамъ возвратъ о вѣдьмахъ. Ужь если, говорить, Боже не дай о чемъ по ушине завести разговоръ, играли бы въ бабки съ маленькими ребятами. А какого рода людей продать.

Тавлу, Ивановичу, такъ на это, говорить, купная крепость есть, тамъ означено какого рода. (Председатель задумывается. Выходитъ Вице-Губернаторъ.)

Вице-Губернаторъ. (входя.) Господа, я доложилъ васъ извѣстить, что нужно быть осторожны. Говорятъ, дѣйствительно въ нашу губернію назначенъ Генераль-Губернаторъ.

Председатель (про себя.) Вотъ кстати придетъ, на расхлебки! Заварили супъ такой, что чертъ и вѣцехъ въ немъ какой отыщется. Увидитъ, какая безтолковщина!

Прокуроръ (про себя.) Одно за друишь!

Председатель. Не знаете о томъ ничего, кто назначенъ въ Генераль-Губернаторы, какого права, какого свойства?..

Вице-Губернаторъ. Ничего еще неизвѣстно.

Почтмейстеръ (входя.) Господа, могу васъ поздравить съ Генераль-Губернаторомъ.

Вице-Губернаторъ. Слышали... да вѣдь еще не извѣстно...

Почтмейстеръ. Извѣстно даже и то: князь Односъ-ровский-Чеменинскій.

Вице-Губернаторъ. Что же говорятъ?

Почтмейстеръ. Строжайшій человекъ, судырь мой, дальновиднѣйшій и крутъшаго нрава. Былъ онъ прежде въ такомъ, понимаете большомъ казенномъ построеніи. Завелись тамъ кое какіе грѣхи. Итъкъ, судырь, стѣрь въ прахъ, такъ что, понимаете, подметать было нечего. Палата, судырь мой, свѣдѣній, чело-

встрях размера колоссального

Фредерикатиль. Кстати вот ты принесешь этого Чижикова.

Вице-губернаторъ. Я все не могу раздобыть этого дья-
ла! (Во время предыдущаго разговора приготовившись
и ставя закуску.)

Фредерикатиль. (наливая фронтку, наливной водки.) Я,
хоть убей, не знаю, кто таковъ этотъ Чижиковъ!

Фрокуроръ. (также наливая водки.) Я и пофакно. Зна-
кого запутаннаго дьяла я и въ бумагахъ не читываю,
и не шитью духу приступить...

Почтмейстеръ. (наливая въ фронтку, разливая водочку.)
Шитью былье, что того... человекъ свѣтскаго лоску, и, судя
по поступкамъ, должно быть шитью обращеніе съ вы-
шнимъ полетомъ общества.

Полціймейстеръ. (входя.) Господа, о Чижиковѣ я ни-
чего не могу узнать. Въ соответственныхъ бумагахъ его по-
рыться не могу. Изъ комнаты не выходитъ: чьясь то
заболѣлъ. Разспрашиваю людей. Лакей Петрушка,
курьеръ Селифанъ. Первый быль въ нетрезвомъ состоя-
ніи, да и всегда быль таковъ. (наливаетъ и пьетъ водку,
составивши смесь.) Петрушка говоритъ, что баринъ,
какъ баринъ, водился съ людьми, касется, хороши-
ми. Названъ много пошлячиковъ - все коммессіе и
и статскіе советники. Курьеръ Селифанъ не шитью
человѣкомъ, говоритъ, назывался вѣлыми за то, что
емуноу хорошо исполнять. Быль въ тамошнихъ при-
касахъ-то казенныхъ постройкахъ, а въ какихъ
именно, не могу сказать. Лошади три. одна куршена го-
ворить, три года тому назадъ; сѣрая, говоритъ, вылитъ -

нека на стору, третья тумена... А если Чижиков двой-
ствительно называется Павлом Ивановичем и точно
коллежский советник.

Прокуроръ. Порядокный человек и коллежский совет-
ник и рывиться на такое дело, какъ увозить удар-
наторскую дочку, или возмечь безумие похитить
мертвца, пугать по почкам спокойных, престарелых
пожилуш! Это прилично какому-нибудь еусарскому
тонсеру, а не коллежскому советнику.

Полциймейстеръ. Вамь ваша, господа, а, вѣдь, дело
какъ нибудь нужно кончить. Прѣдетъ генералъ-уберна-
торъ, увидитъ, что у насъ, просто кортъ знаетъ что. А
душаго надо поступить рывительно.

Председатель. Какъ же рывительно?

Полциймейстеръ. Задержать его, какъ подозритель-
наго человека.

Председатель. А если онъ насъ задержитъ, какъ по-
дозрительныхъ людей?

Полциймейстеръ. Какъ такъ?

Председатель. Ну, а если онъ подосланъ? Ну, что если
онъ съ тайными порученіями? Мертвья души! Боже зна-
етъ, что за мертвья души! А можетъ быть, розыска-
ніе о вѣкахъ тѣхъ умершихъ, о которыхъ было пофано
отъ неизвестныхъ случаевъ.

(.Все задумываются.)

Инспекторъ врачебной управы. А я такъ душаго,
что онъ флатель фальшивыхъ ассигнацій.

Вице-убернаторъ. Если коллежский советникъ, то
какъ же рывиться на такое преступленіе, какъ дѣлаѣ

буфетки?

Инспектор врачебной управы. Ей может быть и не долатень?

Председатель. Глянь, вот что вкрякне - не чиновник - ли онь генераль-губернаторской канцелярии... (подумав)
А впрочеми, чортъ его знаетъ, на лбу, вьшь, не прочтеш!

Управляющий казенными фабриками. Не переодеть-ный-ли онь разбойникъ, господа?

Взъ. Стою... ничтъ... Ужь наружность едина по се-бѣ благонаимѣренна... Да сверхъ наружности и въ раз-говорахъ ничего такого не было, которое показывало-бы человека съ буйными поступками.

Почтмейстеръ. Знаете-ли, господа, кто это?

Взъ. А кто?

Почтмейстеръ. Это, господа, сударь мой, некто дру-гой какъ капитанъ Копыткинъ!

Взъ. Это таковъ этотъ капитанъ Копыткинъ?

Почтмейстеръ. А какъ вы не знаете, кто таковъ ка-питанъ Копыткинъ?

Взъ. Никакъ не знаемъ... Не знаемъ!

Почтмейстеръ. Капитанъ Копыткинъ... (Открываетъ табакерку, въ половину, и нюхаетъ табакъ.) Капитанъ Ко-пыткинъ... Да, вьшь, это, впрочеми, если разсказать, выи-детъ презанимательна дѣя какого нибудь писателя, въ некоторомъ родѣ, утѣлая поэма.

Взъ. Разскажи, разскажи, Иванъ Андреевичъ.

Почтмейстеръ. Стоитъ компании двенадцатого го-да, сударь мой, вьшь, съ ранеными прислать обиль и капитанъ Копыткинъ. Пролетная голова, при-

вередливъ, какъ чортъ, побывавъ и на гаупвахтахъ и
подъ арестомъ... всего отбывавъ... Подъ краснымъ-ли, или подъ
лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало
руку, и ногу. Ну, тогда еще не успели сдѣлать на счетъ
раненыхъ никакихъ, знаете, такихъ распоряженій —
этакъ, какой-нибудь инвалиднѣй капитанъ бывъ уже заве-
денъ, можете представить себя, въ-какомъ-нибудь родѣ войскъ.
Капитанъ Копейкинъ виднѣть: нужно работать-быть-то
ко рука-то у него мѣлкая. Навѣрняка было дошлой-то отцу:
отецъ говоритъ: „мнѣ нечего-тебя кормить, я“, может-
те представить себя, „едва едва достатая елѣть“. Вотъ
мой капитанъ Копейкинъ рѣшился отправиться,
судирь мой, въ Петербургъ, чтобы-лиопотать поначавъ-
ства, не будетъ-ли какого вспоможенія. Какъ-то тамъ,
знаете, съ обозами или фурами казенными, словомъ,
судирь мой, доплатился отъ кое-какъ до Петербурга. Ну,
можете представить себя: дуракъ, какой-нибудь, то
есть капитанъ Копейкинъ, и очутился вдругъ въсто-
лицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мирѣ!
Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣ-
которое намъ живни, сказочная Шехерезада, поимена-
те Этакая... Вдругъ, какой-нибудь Этакой, можете
представить себя Невскій предметъ, или тамъ зна-
те, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ
Этакая какая-нибудь Штейная, тамъ и тамъ эта-
кой какой-нибудь въ воздухъ, молоты тамъ висятъ
Этакими чортами, можете представить себя, безъ
всякаго, то есть, прикосновенія; словомъ, Семирамидъ,
судирь, да и пана! Шоматалкаля было напять квар-

тири, только все это кудается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры-Персия, судырь мой такая... словом, относительно, такъ ска-
зати, ногой попираем капиталы. Идем по улицъ,
а ушь носъ слышитъ, что пахнетъ тысячами, а у,
мого капитана Копыткина весь ассигнационный
банкъ изъ какихъ-нибудь десяти ситовъ да серебра
мелочъ. Ну, деревни на это не купимъ, то есть и ку-
пимъ, можетъ быть, если приложитъ тысячу со-
ротъ, да соротъ-то тысячу нужно занять у фран-
цузскаго короля. Ну, какъ-то тамъ приотился въ реви-
скомъ театрике, за рубль въ сутки, обьоръ-ци, ку-
сокъ битой говядины... Видитъ-замешиваться нечесо
Разспросимъ куда обратиться... "Что-жь, куда обратитъ
ся?" говорятъ: "высшаго начальства нити теперь
въ столицу; все это, понимаете, въ Старину; войска не
не возвращались;" а есть, говорятъ, "временная комис-
сия. Попробуйте, можетъ быть, что-нибудь тамъ
могутъ". Поиду, въ комиссию, говоритъ Копыткинъ,
"скажи: такъ и такъ, проливаша, въ некоторомъ родѣ
кровь, относительно сказать, жизнью жертвоваша." -
Вотъ, судырь мой, вставим пораньше, поскребе они
себя лъвой рукой бороду, потому что платитъ ци-
рульничку - это составитъ, въ некоторомъ родѣ, сечь;
патащима на себя мундирничко и на деревяничку сво-
ей, можете вообразить, отправился въ комиссию.
Разспросимъ гдѣ живетъ начальничко. "Вотъ," говорятъ,
домъ на набережной!" Избѣнка, понимаете, мушкетъ-
стеклычки въ окнахъ, можете себя представлять,

полупорца - саженивая зеркалка, мраморы, иаки, судырь
ты мой... Словомъ, уна поираченые! Металлическая
ручка такая - тибудь у двери - комфортавъ первѣйша-
го свойства, такъ что пренде, понимааете, нужно
забѣмать въ лавочку, да кутить на грошь шила,
да часа съ два въ нѣкоторомъ родѣ, тереть илиь руки,
да унѣ носикъ развѣ можно взяттѣя за нее. Однѣхъ
швейцарь на трыльчикъ съ бумавой - графская этакая
физиономія, батистовые воротнички, какъ откорн
ленный мирный монѣхъ какой тибудь. Кончикинѣ
мой ветанился кое какъ съ своей дѣревяшкой въ
прѣимную, прискался тамъ въ уютку себѣ, чтобы
не толкнуть локтемъ, можете себѣ представитѣ,
какую тибудь Америку или Индію - раззолоченную,
относительно ставать, фарфоровую вазу Этакую.
Ну, разумываете, что онъ наежится тамъ въодѣвъ,
потому, что пришевъ еще въ такое время, когда на-
кальничкъ, въ нѣкоторомъ родѣ, егда поднялся съ
постели, и камердинеръ поднесъ ему, какую-ни-
будь серебрянную лосанку, для разныахъ, понимааете,
умываній Этакихъ. Идетъ кончикинѣ часа четыре,
какъ вотъ выходитъ дежурный чиновникъ, говоритъ:
„Сейчасъ начальникъ свидѣтъ? етъ въ комнатѣ
уны и Эполеттѣ, и Жемьбантовѣ, народу, какъ бобовъ
на тарелкѣ. Наконецъ, судырь мой, выходитъ нача-
льничкъ. Ну... можете представитѣ себѣ - начальникъ!
въ лицѣ, такъ ставать... ну, сообразно съ званіемъ, по-
нимааете... съ чиномъ... такое и выраженіе, понимае-
те... Во всемъ столичный поведенецъ; подходитъ къ

одному, къ другому: „Зачемъ вы, что вамъ угодно, ка-
кое ваше дело?“ Наконецъ, судырь мой, къ Копыткину.
Копыткинъ: такъ и такъ, говоритъ, проливаетъ кровь,
лимилая въ некоторыхъ родъ руки и ноги, работаю
не могу, осмысливаюсь просить, не будетъ-ли какого
вспомоществованія, какихънибудь Этакихъ распо-
ряженій на счетъ относительно, такъ-скавать воз-
награжденія, пенсіона, что-ли понимаете? Началь-
никъ видитъ: человека на деревяшкѣ и правый ру-
кавъ пустой прилетелъ къ мудрицу: „Дорошо, го-
воритъ, понаблюдайтесь на фляжъ!“ Копыткинъ мой
въ восторгъ: „ну, думаетъ, дело сфляжко? Въ думъ,
можете вообразить, таковы подпрыгиваетъ по
тротуару, зашелъ въ Платинскій ресторанъ выпить
рюмку водки, приказавъ себѣ подать котлетку съ
каперсами, пирожку съ разными фриттерями, спро-
силъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ -
однимъ словомъ, купилъ во всю лопатку, такъ ска-
зать. На тротуарѣ видитъ - идетъ какая-то строй-
ная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ предста-
вить, Этакой. Мой Копыткинъ, - кровь-то знаете, ра-
зырается, - побѣждалъ было за ней на своей деревяшкѣ,
тпрухъ - тпрухъ сидеть, да пить, подумавъ: „на вре-
мя къ кортѣ, воистинство! пусть поестъ, тогда полу-
чу пенсіонъ, теперь уже я что-то слишкомъ расхо-
дился.“ А промотавъ онъ шестид, тткшъ, прошу замѣ-
тить, въ одинъ день чуть не половину денегъ! Дня черезъ три-
четыре является онъ, судырь ты мой, въ комиссію,
къ начальнику. „Примешь“, говоритъ, „узнать: такъ,

и так, по одержимым болезням и за ранами... правды в некоторых родах крови?.. и таму подобное, понимаю, в должностном слог. „А что“ говорит начальство, — прежде всего я должен вам сказать, что по делу вашему без разрешения высшего начальства ничего не можем сделать. Вы сами видите, какое теперь время. Военные действия, относительно так сказать, еще не кончились совершенно. Обозначте приезда господина министра, потерпите. Тогда бурные утверды, вы не будете оставлены. А если вам нечего ждать, так вот вам, говорит, — сколько могу?.. Ну, и понимаю, вам ему конечно не много, но с уверенностью можно бы протянуться до дальнейших только разрешений. Но Копыткину моему не того хотилось... Он-то уж думал, что вот ему завтра так и выдадут тысячный какойнибудь Этакій куш: „на, тебе, любчик, пей, да веселись!“ а вышло того-то. А уж у него, понимаете, в голову и англичанка, и сунеты котлеты разные. Вот он собою такой вылезет кривца, как пудель, которого поварь облил водой, — и свость у него между ног, и уши повисли. Извистно Петербургская его уже поразобрали, кое-чего он и попробовал. А тут живи черт знает как, сладкой, понимаете никаких. Ну, а человек-то еврей, живой, аппетит-то просто волчий. Проходите мимо какогонибудь Этакого ресторана: поварь только, можете представить, иностранец, француз Этакій с открытой физиогномией, бьиве на нем голландское, фарты обливного равны в некоторых родах

сидящие, работаете френзеры какойнибудь такой, котлетки с трюфелями, словом разсудеделикафеей такой, что просто себя, то есть, съешь бы отъ аптекинда. Проходитли мимо Милотинских лавок: там изъ окна выглядывает, въ тивкоторомь роде, селва такая, вышенки по пяти рублей штука, - арбузы громадице, филликансь такой высунулся изъ окна и, такъ сказать имеет дурака, который бы заплатилъ это рублей... словом - на всякомь шажу, соблазнь, относительно такъ сказать, ситонки тешуть, а онъ - нику... Такъ представьте себъ его положение: тнуть съ одной стороны, такъ сказать сешга и арбузы, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названиемъ „забра“? Ну, ушь, думаетъ онъ, какъ они тамъ себъ хотятъ, а я пойду, говорить, подыму всю комиссию, всяка начальниковъ, скажу, какъ хотите!“ И въ единомъ дрови: человекъ навойливый, наемъ такой, такъ-то, понимаете, въ голову тешеть, а рыси много. Проходитъ онъ въ комиссию... „Ну, что, говоря, зачёмъ еще? вичъ вамъ ушь скавано!“ „Да что, говорить, „я не могу, говорить, перебиваться кое-какъ. Мне нужно, говорить, съесть и котлетку, бутонику французскаго вида, поразвлечь тоне себъ, въ театръ, понимаете...“ „Ну, ушь, говорить начальникъ, извините. На счетъ этого есть такъ сказать, вичъ-которомь роде терпение. Ваши даны пока средства для прокормления, покаместъ выйдеть революция, и безъ сомненья вы будете вознаграждены,

какъ случается: ибо не было еще примера, что-бы у насъ въ Россіи человекъ, приносящій, относительно такъ сказать услугу отечеству, бывъ отставленъ безъ призрѣнія. Но если вы хотите теперь же ласкоть себя компаньонши, и въ театрѣ, понимаете, такъ ужъ извините. Въ такомъ случаѣ ищите сами себя средства, старайтесь сами себя помочь. Но Конюшникъ мой, можете вообразить себя и въ урѣ не дуетъ. Слова-то ему эти какъ горохъ къ ступице. Шушь поднимая такой, вѣсехъ распушивъ, вѣсехъ этихъ секретарей, вѣсехъ началъ откалывать и воздуть. — „Да вы, говорить, то!“ говорить, „да вы, говорить, это!“ говорить, „да вы, говорить, обязанностей своихъ не знаете! да вы, говорить, законопродавцы!“ говорить! вѣсехъ отплевала. Ставъ какой-то чиновникъ, понимаете, подтвердился изъ какого-то, даже во все посторонняго въѣздства, отъ, судья мой, и его! Говоритъ. Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. „Хорошо“ говорить, „если вы не хотите осмѣлѣть спокойно, въ некоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ рѣшѣнія вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства. — Позвать“ говорить, фельдъ-егеря, препроводить его на мѣсто жительства!“ а фельдъ-егерь ужъ толкъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужчина какойнибудь, ружья у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ящитковъ, словомъ дантистъ такой... Вотъ его раба Грозня въ те-

льотку, да съ фельдъ - егерель., Ну, Коптыкинсь дума-
еть, по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ,
спасибо и за то!" Къдеть оны, судырь мой, на фельдъ-еге-
рь, да гдужи на фельдъ - егеръ, въ нѣкоторомъ родѣ,
такъ скавать, разсуждаетъ самъ себя: "хорошо, гово-
рять вотъ ты, мовъ, говоришь, чтоби я самъ себя
поискалъ средства и помогу бы; - хорошо, говорить,
найду средства!" Ну, улю какъ тамъ его доставили
на мѣсто, и куда именно привезли, ничего этого не
извѣстно... Тамъ, понимаете, и случил о капитанъ
Коптыкинсь канули въ руку забвѣнія, въ какую ни-
будь такую Лету, какъ называютъ поэты. Но поз-
вольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно
скавать, нить завѣтки романа. И такъ, куда дѣл-
ся Коптыкинсь, неизвѣстно; но не прошло, можеже
представить себя, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась
въ Базанкияхъ мѣсяхъ шайка разбойниковъ, и
атаманъ-то этой шайки бывъ, судырь мой, нѣко
другой...

Предсѣдатель. Только позволю, Иванъ Андреевичъ,
вродъ капитанъ Коптыкинсь ты самъ скавалъ, бѣвъ
руки и ноги, а у Чичикова...

Почтмейстеръ (бьетъ себя по лбу). Ахъ, а темѣ же-
на! Совершенно справедливо поговорка: русскій чело-
вѣкъ заднимъ умомъ крепоткъ. Впрочемъ, позвольте
господа, въ Англии очень усовершенствованная ме-
ханика, по газетамъ видно, какъ однимъ изобрѣтъ
деревянные ноги такимъ образомъ, что при одномъ
прикосновеніи къ незамыслимой пружинѣ, уносил эти

ноги человека Божь знаетъ въ какия мѣста, такъ что посылъ милость и отыскать нельзя его было.

Верь. Глупцы, ушь это ты сватилъ елишкомъ далеко Иванъ Андреевъ. Глупцы, Чичиковъ не капитанъ Кондратьевъ.

Управляющій казенными фабриками. А не есть ли, господа, Чичиковъ, переодетый Наполеонъ. Глупы англичане издана завидуютъ, что Россія такъ велика и обширна, даже нѣсколько разъ выходяли и каррикатуры, гдѣ русскій изображенъ разговаривающимъ съ англичаниномъ. Англичанинъ стоитъ и сиди держитъ на веревкѣ собаку; а подъ собакой разулывается Наполеонъ... Смотри, молъ, говоритъ, если это не такъ, я на тебя сейчасъ выпущу эту собаку. И вотъ, теперь, они могутъ бить и выпустимъ его съ острова Елены, и вотъ онъ теперь и пробирается въ Россію, будто бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ во все не Чичиковъ.

Предсѣдатель. Ну, повторить этому нельзя: какой же Чичиковъ Наполеонъ, хотя лицо Чичикова, если поворотится и станетъ бокомъ, очень сходетъ на портретъ Наполеона.

Толмчій-мистеръ. Я, господа, служилъ въ компаніи двѣнадцатого года и лично видѣлъ Наполеона и долженъ сознаться, что ростомъ онъ никакъ не будетъ выше Чичикова и сходство своей фигуры Наполеонъ тоже, нельзя сказать, что бы елишкомъ толисто, однако и не такъ, чтобы тонко...

Вось чиновники задумываются. А воспроизводителъ-

ное молчание.)

Полцеймейстеръ. Господа, вотъ идетъ Ноздревъ. Такъ какъ онъ первый вынесъ историю о мертвыхъ душахъ и бывъ какъ говорителъ въ какихъ-то тѣлѣвыхъ отношеніяхъ съ Чичиковыми, стало быть, безъ сомнѣнія, знаетъ все что изъ обстоятельствъ его жизни, то я написалъ къ нему записочку: просимъ пожаловать на вечеръ. Попробуемъ еще, что скажетъ Ноздревъ.

(Идетъ Ноздревъ.)

Полцеймейстеръ. (носитъ того, какъ Ноздревъ поздоровался со всеми.) Скажите намъ, действительно-ли Чичиковъ покупалъ мертвыя души?

Ноздревъ. Покупалъ на нѣсколько тысячъ. А самъ продалъ ему, потому что не видѣлъ приемы, почему не продать.

Фредеръфателъ. А не шпіонъ-ли онъ?

Ноздревъ. Разумѣется, шпіонъ. Еще въ школь, гдѣ мы вѣжливость съ ними учились, его называли фискаломъ и за это товарищи, а въ томъ числѣ и я, нѣкогда его поизмѣли, такъ что нужно было потому приставить къ одиному вискани 240 пѣвковъ.

Инспекторъ врачебной управы. А не дѣлатель-ли онъ фальшивыхъ бумажекъ?

Ноздревъ. Разумѣется, дѣлатель. А вамъ разскажу анекдотъ о необыкновенной его ловкости. Узнавши, что въ домъ его находится на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатами друиъ его и приставили караулъ, на кандидую дверь по два солдата,

но Чижиковъ перешелъ ихъ весь въ одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидели что весь были ассигнации настоящие.

Полциймейстеръ. А точно-ли Чижиковъ шире въ намерение увести губернаторскую дочку, и правда-ли, что вы сами взялись помочь и участвовать въ этомъ деле.

Ноздревъ. Помогаю. Да если бы не я, то и не вы — ло бы ничего. Положено было вытнаться въ приходской церкви въ деревнѣ Струхмачевскъ, поны, отецъ Сидоръ за вытнание 75 рублей и то не согласился бы, если бы я не принуждалъ его, что донесу на него, что перешелъ лабавника Михаилу, на куры. Да я даже коляску свою уступилъ и залотвилъ на всякаго станцияхъ перешелъ лощадей. И ямщики были Ванька, Оленка.

(. Чиновники со вздохомъ расходятся отъ Ноздрева.)

Полцийместеръ. (махнувши рукой.) Чортъ знаетъ что такое?

(. Съ прокуроромъ гонимся дурно.)

Почтмейстеръ. Смотрите, смотрите, что это гонимся съ прокуроромъ?..

Полцийместеръ. (прокурору.) Давно дурно?..

(. Прокуроръ падаетъ со стула, весь въ немъ бросаются.)

Председатель. За докторомъ, скорой за докторомъ!

(. Суетня.)

Почтмейстеръ. Должно быть ударъ хватилъ... Со страху!.. Вотъ, сударь ты мой, до чего довели, от-

носительно такъ сказать въ эти происшествия...

Занавъсье.

Картина 8^я.

„Во приёмной у генерала - губернатора“

1. Полциинмейстеръ формируется. У дверей къ князю курьеръ. Входитъ Муравовъ.)

Полциинмейстеръ. А! Афанасій Васильевичъ, вы къ князю?

Муравовъ. А что? разговъ нельзя?

Полциинмейстеръ. Разговъ-то, полциинуйте. Разговъ-то всегда можно... вездѣ можно... Вы, Афанасій Васильевичъ, первое лицо не только что въ нашемъ городѣ, но да-же, можетъ быть, во всей Россіи.

Муравовъ. Стойте, пойте...

Полциіймейстеръ. Гляньте, истинно... во первыхъ, капиталъ... вѣдь, кто-же не знаетъ, что у васъ десять милліоновъ... нашему брату и выговорить-то страшно, шутка-ли, десять милліоновъ

Муравовъ. Ну, какъ по деньгамъ судить о челоѣчкѣ...

Полциіймейстеръ. Гляньте, и не по деньгамъ... другому деньги во вредъ, и на зло, а вамъ на пользу челоѣчесткую.. Кто-же не знаетъ, Ефронасій Фамилевичъ, что вы всеобщій благодѣтель... да и не только деньгами, а советомъ, участіемъ, сколько ихъ на путь истинный направили... За то и князь васъ высоко ставитъ.

Муравовъ Ну, мои добродѣтели оставили - скажите про князя... что, онъ одинъ?

Полциіймейстеръ. Одинъ... только игольничъ... такъ игольничъ, что я не знаю, какъ о себѣ доложить.

Муравовъ. Изъ за чего?

Полциіймейстеръ. Изъ за Чичикова... Открывались невѣроятныя вещи... доносы самого возмутительнаго свойства... Уже объ мертвыхъ душахъ не говорю... Открываются разныя пренскія злоупотребленія Чичикова... а главное, онъ замышляетъ въ погромъ.

Муравовъ. Что вы говорите?..

Полциіймейстеръ. Ураззорившася паншюцка Хлобуева, о которой вы такъ изволили заботиться, тетка умерла... богатѣйшая старушка... всего физическаго имущества, окруженная приживалками, однихъ канареекъ сотни три... и теперь оказывается, пожить ей осталось два духовныхъ завѣщаній, и одно изъ нихъ под-

дрельное...

Муравовъ. Кто-же его смелстерилъ?

Полицеймейстеръ. Въ томъ-то и дѣло, что это мерзочинное дѣло - говорятъ Чичиковъ. Нарядили такую бабу, на мѣсто покойницы и она уже подписала. - Словомъ, дѣло соблазнительнѣйшее... тысяча просьбъ поступило съ разныхъ сторонъ.

Муравовъ Не слышалъ объ этомъ ничего, а дѣло точно что не бѣвъ грѣха! Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, признаюсь, для меня презабавочный человекъ.

Полицеймейстеръ. Князь такъ озлобленъ, такъ озлобленъ, велѣлъ Чичикова арестовать и привести сюда.

Муравовъ Да позвольте, какъ-же такъ?

Полицеймейстеръ. Пожалуйста-ка сюда являйтесь... тутъ въ уголовной гостиницѣ по свободнѣе намъ говорить, и я вамъ все открою, что знаю. (Оба уходятъ, входитъ мандаринъ.)

Мандаринъ. Даюснне князю... привели

(Иурьеръ уходитъ. Идетъ Чичиковъ, убитый, за нимъ второй мандаринъ.)

Чичиковъ (про себя). Губитель! губитель! охъ мнѣя зарыжетъ, какъ вась еянетса.

(Идетъ князь, за нимъ чиновникъ и иурьеръ.)

Князь. А! вотъ вы! вотъ вы!.. нивтъи человекъ... почему вы себя довели, что открываетея про вась... А вась поца-фирь, я позволюсь вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы занятыи себя вновь безгестнѣйшимъ мамемншествомъ, какимъ когда-либо занятыи себя человекъ!

Ушкиковъ. Какимъ же, ваше сиятельство, бездетиш-
шимъ поступкомъ и мошенничествомъ.

Князь Менщина, менщина, которая подписыва-
ла, по вашей диктовке, завѣщаніе, савачена и ставежь
съ вами на одну ставку.

Ушкиковъ. Ваше сиятельство! Окажу всю истину дѣ-
ла... Я виноватъ, точно виноватъ, но не такъ виноватъ...
Меня обнесли враги.

Князь Да въ не можетъ никто обнести, потому что
въ васъ мерзости въ нѣсколько разъ больше того, что мо-
жетъ выдумать послѣдній лжецъ! Вы во всю жизнь, я
думаю, не дрыгали не бездетишнаго дрыга. Всякая коптыка,
добытая вами, добыта бездетишымъ образомъ, ежь
воровство и бездетишымъ дрыго, за которое кнутъ и
сибирь. Злытъ, теперь полно! Съ сей-же минуты бу-
дешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣд-
нимъ мерзавцамъ и разбойникамъ, ты долженъ выдажь
разрѣшенья участи своей. И это мало еще, потому что
хуже ты въ нѣсколько разъ, чымъ ты, что въ армя-
кахъ и тулупахъ, а вѣдь ты...

Ушкиковъ. Ваше сиятельство! умилосердитесь, вы
отецъ семейства! Не меня пощадите, - старуху, мать!

Князь. Фрешь! Такъ-же ты меня тогда умолялъ
дрытьшим и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не
было, какъ теперь матерью.

Ушкиковъ. Ваше сиятельство! Я мерзавецъ и послѣд-
ній негодяй! Я дрыствительно мать, я не имать
ни дрытей, ни семейства; но Божь свидѣтель, я всегда
хотѣлъ имать жену, испанить дрыго человетка и

гражданина, чтобы действительно потопить заслужить уважение граждан и начальства. Но что за бюджетвенная степеня обстоятельство! Ваше сиятельство! Кровью нужно было добывать настоящее существование. На всякомъ манеру соблавы и искусство... Враги и губители и похитители. Вся жизнь была - точно вихрь буйный, или судно среди волн, по волнъ вострость. А человекъ, ваше сиятельство!.. (падаетъ на колени.)

Князь. Поди прочь отъ меня! Позвать солдатъ, что-бы его взяли и прямо въ острогъ.

Чижиковъ. Ваше сиятельство!

Князь. Подите прочь, говорю вамъ!

Чижиковъ. Ваше сиятельство! не сойду съ мѣста пока не получу милости.

Князь. Подите, говорю вамъ! (Уходитъ Чижиковъ за ширь.)

Чижиковъ (вставая). Помощь... советъ... помощь - безъ суда въ Сибирь сослать.

(Входитъ Муразовъ.)

Жандармъ. Ну, иди, что-ль...

Чижиковъ (увидя Муразова). Спаситель мой, спаси-те! въ острогъ ведутъ!

Муразовъ. Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивано-вичъ... что вы сдѣлали!..

Чижиковъ. Это-тъ фальшь! Срубилъ проклятое на-значение, не слушкалъ во время остановиться. Сатана проклятой обьществъ. Живель изъ предѣловъ разу-ма и благодарувья человеческого. Преступилъ, престу-

тимо!.. но только какъ-же можно такъ поступать? Дворянина, дворянина безъ суда, безъ свидѣній бросить въ тюрьму... дворянина, Афонасій Васильевичъ! Да, вѣдь, какъ же не дать времени зайти къ себѣ, распорядиться съ вещами... Вѣдь, тамъ у меня все осталось теперь безъ присмотра. Шкапулка, Афонасій Васильевичъ, шкапулка! Вѣдь тамъ все имущество... потому приобрести, кровно, мѣстами трудовъ, лишений... Шкапулка, Афонасій Васильевичъ! Вѣдь, все украдутъ, разнесутъ! О, Боже!

Муразовъ. Ахъ, Павелъ Ивановичъ! какъ васъ осетимо это имущество! Изъ за него вы не видали страшнаго своего положенія...

Чижиковъ (падая на колѣни.) Благодарюте, спасите! Я князь васъ люблю, для васъ все сделаю!

Муразовъ. Ахъ, Павелъ Ивановичъ, не могу, какъ-бы не хотѣлъ, какъ-бы не желалъ! Вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человека.

Чижиковъ. Неужели мѣшма сатана, извергъ чело-вѣческаго рода!

Муразовъ. Павелъ Ивановичъ, успокойтесь, подумайте, какъ-бы примириться съ Богомъ, а не съ людьми; о свободной душѣ своей помыслите...

Чижиковъ. Но, вѣдь, судьба такая, Афонасій Васильевичъ! Достигла-ли одному человеку такая судьба? Вѣдь съ терпѣньемъ, можно сказать, кровавшимъ, добывая копѣйку, трудами, трудами, не то, что-бы кого ограбить, или казну обворовать, какъ желаютъ. Затѣмъ добывать копѣйку? Затѣмъ, чтобы въ королевствѣ про-

жить остатокъ дней, оставитъ жизнь, дотянувъ, ко-
торыхъ намъ требовался приобрести для блага, для
судьбы отечеству. Вотъ для чего хотѣлъ приобрести
тѣ!.. Покрылись, не скрою, покрылись... что жь дѣлать?
но, вѣдь, покрылись только тогда, когда увидѣли, что пря-
мой дорогой не возьмемъ и что косою дорогой больше
напрямить. Но, вѣдь, я трудился, я изощрялся... ве-
ли браво, такъ съ богатыхъ. А эти мерзавцы, которые
по судамъ берутъ тысячи съ казны, небогатыхъ лю-
дей грабятъ, послѣднюю копейку сдираютъ съ того,
у кого ничто нѣтъ! Гдѣ справедливость небесъ? гдѣ
награда за терпѣнье, за постоянство безпримѣрное?
Вѣдь, я три раза съ жизнью начинаю... вѣдь, сколько ну-
жно было побороть, сколько вынести! Вѣдь, для меня
была всякая копейка, какъ говоритъ пословица, „ах-
тыжъныишь гвоздемъ прибита“.

Мурзавъ. Ахъ, Павель Ивановичъ, Павель Ивано-
вичъ! Какой-бы изъ васъ былъ человекъ, если бы съ та-
кою и ешюю, и терпѣньемъ, да подвизались бы на доб-
рому пути, ишчя лучшей цѣль! Говне мой, сколько-
бы вы надѣлами добра! Если бы хотя кто нибудь
изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребилъ-
бы столько усилій для него, какъ вы для добыванія сво-
ей копейки, да сколько бы такъ пожертвовали для
добра и собственнымъ самолюбьемъ и честолюбьемъ,
не жалея себя, какъ вы не жалели для добыванья
своей копейки... Говне мой! какъ процвѣла бы наша
земля! Павель Ивановичъ! Павель Ивановичъ! Не тѣ
здѣсь, что виноваты вы стали передъ другими, а то

жаль, что передь собой стали виноваты, передь бо-
гатыми силами и дарами, которые достались въ
уаголь ваше. Назначенье ваше быть великими чело-
вечкомъ, а вы себя запропастили и погубили.

Шимковъ. Афонасій Васильевичъ! О, если бы уда-
лось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество,
клянусь вамъ, повею бы отнынѣ советымъ дружно жить!
Спасите, благодотель, спасите!

Муравовъ. Ставель Ивановичъ, спасти васъ не въ мо-
ей власти, вы сами видите. Но приложу старанье,
какое могу, чтобы обилить вашу участь и освободить.
Не знаю, удастся-ли это сдѣлать, но буду стараться.
Если же, какъ чаянья, удастся, — Ставель Ивановичъ, я по-
прошу у васъ награды за труды. Горосите взять эти по-
возновенья на эти прибротенья. Говорю вамъ по че-
сти, что если бы я и всего имущества моего имущеет-
ва, а у меня его больше, чѣмъ у васъ, — я бы не загла-
калъ. Ей-ей, дѣло не въ столько имущество, которое
могутъ у меня конфисковать, а въ токъ, котораго
никто не можетъ уграсть и отнять! Вы уже по-
несли на свѣтъ довольно. У васъ есть уже чѣмъ про-
жить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ
уагѣ, если знобить сильное желанье оставить по
себѣ поташковъ, поселитесь на небогатой, доброй дрѣ-
вухѣ, привыкшей къ умеренности и простому хо-
зяйству; забудьте этотъ шумный миръ и весь его
обилительныя прихоти. Пусть и онъ васъ поза-
будеть. Въ несъ чѣмъ успокоенъ. Вы видите: все
въ несъ врагъ истукитель или предатель. Проснитесь

еще не поздно: Еще есть время.

Чижиковъ. Глеть, поздно! поздно! А влашана чувствовать, слышу, что не такъ, не такъ иду, и что далеко отступился отъ прямого пути, но уже не-могу! Глеть, не такъ воспитанъ! - Отецъ мнѣ твердилъ правоченья, били, заставляли переписывать съ нравственныхъ правиль, а сами краемъ передо мною у соседей мнѣ и меня еще заставляли помогать ему. Да-вазавъ при мнѣ неправую тяжбу, развратили сиротку, которой она били опекуномъ Стримиоръ слытные правиль. Вити, чувствую, Афанасій Васильевичъ, что жизнь веду не такую, но нѣтъ большаго отвращения отъ порока: огрубѣла натура!

Муравовъ. Павелъ Ивановичъ, у васъ столько воли, столько терпѣнья. У васъ нѣтъ любви къ добру, дайте добро насильно, безъ любви къ нему. Вамъ это зачтется еще въ большую заслугу, чѣмъ тому, кто дѣлаетъ добро по любви къ нему. Видѣ, въ васъ есть эта сила, которой нѣтъ у другихъ, это железное терпѣнье - и вамъ - ли не одолѣть? Да вы, мнѣ кажется били-бы богатырь. Видѣ теперь всею моги безъ воли... все слабы...

Чижиковъ. Афанасій Васильевичъ! если только выполните мнѣ изъбавление и средство ухъхать отсюда съ какими нибудь имуществомъ, я даю вамъ слово начать другую жизнь: куплю деревенку, сдѣлаюсь хозяиномъ, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другимъ... поведу правую, трезвую жизнь.

Муравовъ. Боже васъ да подкрепитъ въ этомъ на-
меренн! (Мандаринъ) Подождите, ребяташки,
здѣсь, а къ князю пойду... (Чичикову) Буду стараться
изо всего силъ, чтобы вымогитъ у князя ваше осво-
божденье. Ахъ, Боже мой! Позвольте мнѣ васъ обнять!
Какъ вы мнѣ, право, обрадовали! Ну съ Богомъ! Сейчасъ-же иду
къ князю! (Ухофитъ)

Чичиковъ (про себя). Что-то будетъ... охъ, кабы выго-
рѣло... всего жизнь... изжитьно... Сами не шито чувствъ,
но все силы употреблю, чтобы другимъ дать почув-
ствовать... Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто ужъ я
совсѣмъ негодный!.. есть способности къ хозяйству;
я шито качества и бережливости и расторопно-
сти и благодарна и даже постоянства... Стоить
только рѣшиться.

(Ухофитъ чиновникъ Самосвистовъ.)

Самосвистовъ (мандаринъ). А! это вы тутъ-съ
арестованными?

Мандаринъ. Да вотъ, ваше благородіе, не знаемъ,
какъ быть... Во сѣятельство приказали вести въ
торгъ, а Афанасій Васильевичъ пошелъ къ его сѣ-
ятельству-просили обонфатъ.

Самосвистовъ. Ну, что-жъ?.. куда тебя зонить? Не
цѣль жить торгъ... (Чичикову) Ты, милостивой
государь... (тихо). Отойдите къ сторонкѣ, чтобы не
слыхали! (Оба выхофатъ на авансцену.)

Чичиковъ. Помѣлъ моя приняла...

Самосвистовъ. Знаемъ все объ вашемъ положенн,
все слышали. Ничего, ничего, не робѣйте: все будетъ

поправлено. Дель будешь работать за васъ и ваши
слуги. Тридцать тысячъ на вѣдьхъ и ничего больше.

Чижиковъ. Гудто! и я буду совершенно оправданъ?

Самосвистовъ. Тридцать! еще и вознагражденныя по-
лучите за зубинтси.

Чижиковъ. И за трудъ?

Самосвистовъ. Тридцать тысячъ. Тутъ уже все
включить, и наливны, и генераль-губернаторскимъ
и секретарю.

Чижиковъ. Но, позвольте, какъ же я могу?.. Мои вѣдь
вещи, шкатулка, все это теперь запечатано, подъ
присмотромъ

Самосвистовъ. Уже объ этомъ мы распорядились,
все получите обратно... даже толи въ торговлю... въ
торговлю принесутъ.

Чижиковъ. Афанасий Васильевичъ пошелъ просить
за меня у князя, чтобы въ торговлю не сажали.

Самосвистовъ. Хотъ бы и посадили, бѣда не ве-
лика... эту женщину мы уже подытожили... и на
счетъ вашего дѣла не смущайтесь ничѣмъ, fame
если-бъ и хуже что произошло. Никогда и ни въ чемъ
не отчаявайтесь... Нѣтъ дѣла несправедливаго. —
Всмотритесь на меня, я всегда спокоенъ... какіе-бы
ни были возводимы на меня казусы — спокойствіе
мое непоколебимо!

Чижиковъ. Конечно, это первая вещь.

Самосвистовъ. Надо только, чтобы производство
дѣла было основано на бумагахъ... надо стараться
не то, чтобы оправдать себя, нѣтъ, просто спутать

новыми вводными такими посторонностями.

Чишковъ. Это есть, чтобы...

Самосветовъ. Спутать, спутать и ничего больше; ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутаю бы сюда и другихъ; сдѣлать сложными и ничего больше! А тамъ пусть придетъ изъ Петербурга чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ, пусть его разбираетъ.

Чишковъ. Да хорошо, если подберешь такія обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза миру.

Самосветовъ. Подберутся обстоятельства, подберутся. Поверьте, отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрываетъ многи: и чиновниковъ нужно больше, и недоуманьями больше... Словомъ, вытянуть въ дѣло побольше людей. — Никто не знаетъ, что имъ напрасно попадутъ: да, вѣдь, имъ же оправдаться, имъ же нужно отвѣчать на будущее, имъ же нужно откупиться... Вотъ ужъ и хитрость!..

Такъ можно спутать, такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. — А почему спокоешь? потому что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всекъ въпутано, и губернатора, и вице-губернатора и полиціймейстера, и казначея, — всекъ запутаю! Я знаю все мое обстоятельства, — и кто на кого сѣдится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упереть. Тамъ, пожалуйста, пусть мое выпутываются, — другіе ценноють найтись. А вѣдь только въ мушкетной водѣ и

ловитая рыба.

Чижиковъ /./ про себя./ Значитъ, тотъ человекъ, точно мудрецъ!

Едмосвистовъ. Такъ тридцать тысячъ... по рукамъ...

Чижиковъ. По рукамъ... Конечно...

Едмосвистовъ. А теперь отойдите... /./ Мандаринамъ./ А вы, смотрите бдително, чтобы арестанты, чего добраго не убыли... /./ Въ дверь./ Ахъ, тутъ господинъ полиціймейстеръ! /./ Уходитъ./

Чижиковъ /./ глядя въ зеркало./ Охъ... я таки порядочно перетруещусь... И замкъ было предаваться такъ сильно сокрушенію... Вотъ ужъ и волосъ выдрать съ испуга... не смѣдовало рвать...

/./ Выходитъ Муравовъ и Чижиковъ./

Муравовъ. Ну, Павелъ Ивановичъ, - я выпрошу вамъ свободу.

Чижиковъ. Спаситель!..

Муравовъ. Но на такомъ условіи, чтобы сѣмья васъ не было въ городѣ. Собирайте все пожитки свои, да и съ Головою, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. А знаю-съ, васъ туго одишь человекъ настраиваетъ, такъ объявлено вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открываема, что цѣло никакія силы не спасутъ его. Онъ, конечно, радъ другимъ топнуть, чтобы одному ему не стужно было, да дѣло къ разрыву. Повѣрите-съ, Павелъ Ивановичъ, что покаянство не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго существа, не установится благоустройство и

земного имущества, подумайте не о мертвых ду-
шах, а о своей живой душе, да и съезжайте на другую
дорогу. Я только вывозного завтрашний день. Попро-
ситесь! Не то - безъ меня бѣда будетъ.

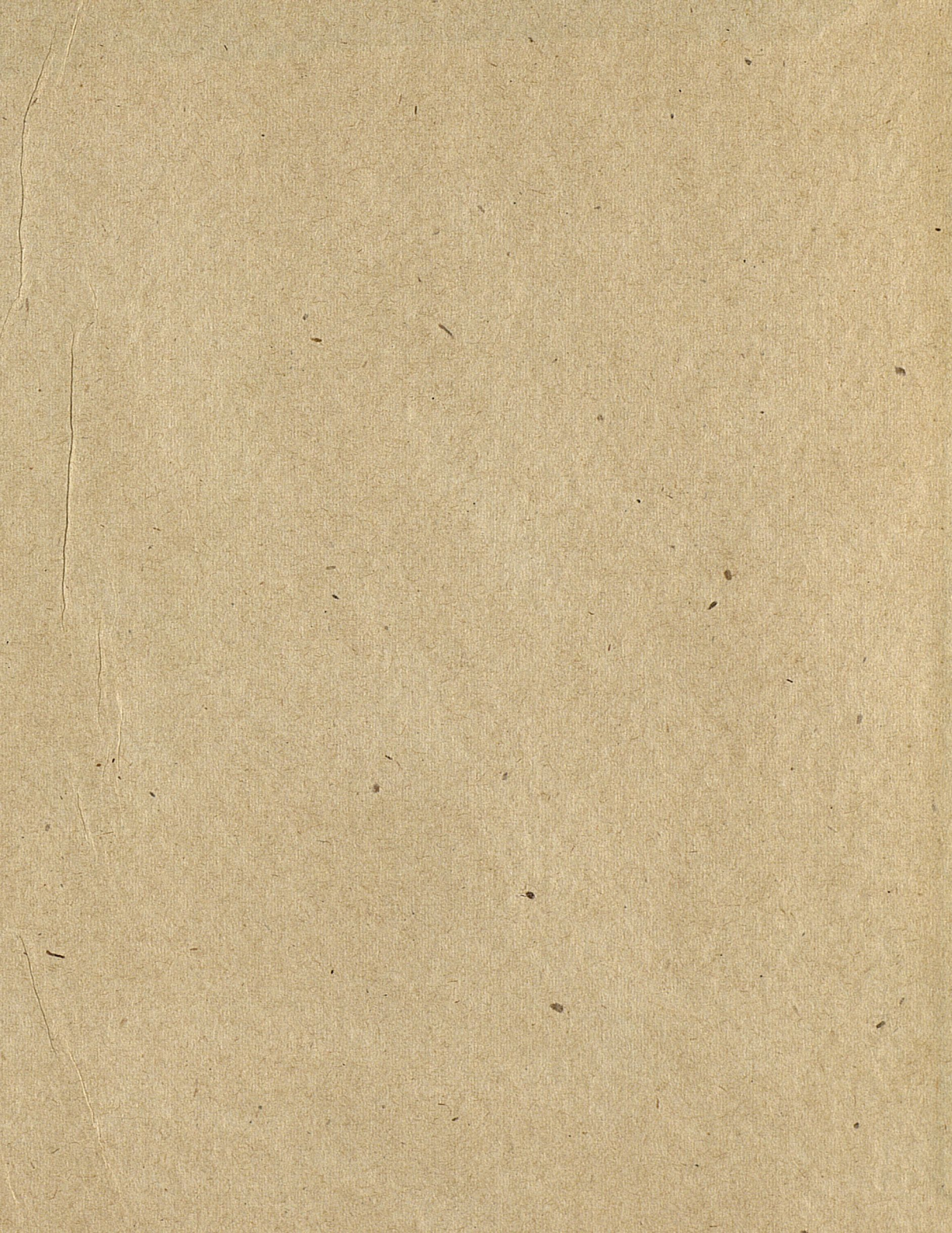
Чиновникъ. Господинъ Чижиковъ, вы можете ухо-
дить, вы свободны!.. (Мандаринчикъ.) Его сиятельство
приказали отпустить арестанта. (Уходитъ.)

Чижиковъ (про себя) Муравовъ правъ - пора на дру-
гую дорогу... и послать такихъ неблагопріятныхъ исто-
рій здѣсь въ городъ ни къ кому ни ногой... а надо ско-
рѣй укладываться и ѣхать... (Уходитъ.)

Завантись.

Конецъ.

2010513493